

Полина Сутягина

За границей Восточного Леса

*Их мир никогда
не будет прежним...*

Полина Сутягина
За границей Восточного Леса

«Автор»

2023

Сутягина П.

За границей Восточного Леса / П. Сутягина — «Автор», 2023

Во время путешествия через Равнину брат и сестра из племени Восточных Лесов захвачены в рабство. В этот момент судьбы их расходятся на параллельные пути. Брат, Ригзури, сбежав, присоединяется к вольному пиратскому братству в водах Южного моря, не теряя надежды разыскать младшую сестру Римьяну. Девушка куплена на невольничьем рынке таинственным жрецом. Как позже узнает Ригзури, жрецы эти являются неофициальной властью в материковом Государстве. О них практически ничего неизвестно простым людям, но образ их напуган страшными легендами и окутан ужасом. Их ждут приключения под парусом и пиратским флагом, странствия по бескрайним водам, степям и лесам, древние жреческие ритуалы, борьба за свободу, непростые решения и столкновение с их последствиями. Как выдержать испытания и при этом не предать себя? Им предстоит измениться самим и изменить мир вокруг. Но суждено ли им встретиться вновь?

© Сутягина П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. На торговой площади	5
Глава 2. Рабы	10
Глава 3. В северных водах	13
Глава 4. Путь к свободе	15
Глава 5. Монастырь на Острове	19
Глава 6. Жрецы	23
Глава 7. Дни по уставу	26
Глава 8. Куда податься беглецу	28
Глава 9. Инициация	31
Глава 10. На «Аурелии»	35
Глава 11. Жрица Мелисса	38
Глава 12. Южный Архипелаг	40
Глава 13. Начало обучения	44
Глава 14. Путиами пиратства	46
Глава 15. Орден Четырех Стихий	51
Глава 16. Последний рейд «Аурелии»	52
Глава 17. Полет	54
Глава 18. Собранные из обломков	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Полина Сутягина

За границей Восточного Леса

Глава 1. На торговой площади

Два всадника въехали на холм. Охваченные ветром, перекатывались по нему волны пригибаемых травинок, превращая склон в зеленый океан. Солнце растворялось за волнисто-изумрудным горизонтом. Позади молодого мужчины и его спутницы лежал Лес.

– Я устала немного. Отдохнем? – голос девушки, совсем еще юной, звучал весело, словно переливы весеннего ручья, только что прорвавшего зимнее заточение.

Стройная и крепкая, словно молодое деревце, неуклонно пробивающееся к свету, она, как и подобало людям ее племени, не достигшим зрелого возраста, носила волосы распущенными. За спиной ее спутника, напротив, была длинная коса – свидетельство того, что он уже вступил в пору зрелости. Для любого члена племени потерять косу было бы величайшим позором. Светлокожие и светловолосые, оба всадника обладали схожими чертами лица – высоким лбом, выступающими скулами и немного горбатым носом. Взгляд глубоких серо-синих глаз юноши встретился с ясными, цвета предгрозового неба, глазами сестры, и потеплел.

– Конечно. Мы можем заночевать в деревушке, внизу. Однако, – прибавил он задумчиво, словно только себе, – теперь мы довольно далеко от наших земель, и я не знаком с нравами местного народа.

Брат и сестра успели проделать весьма долгий путь от дома, лежавшего в Восточных Лесах. Здесь же начинались земли жителей Большой Равнины. У подножия холма, с которого спустились всадники, располагалась окраинная деревушка местного народа. Юноша, звавшийся Ригзури, и его молодая спутница по имени Римьяна впервые выезжали за границы Лесов.

На маленьком постоялом дворе им предложили комнату на втором этаже, под крышей. Хозяин оглядел незнакомцев с некоторым подозрением, но вслух ничего не сказал. В конце концов, их поселок располагался на границе равнинных земель, и сюда мог забрести какой угодно странник, любых диких, по его мнению, племен.

Он показал им комнату и больше особого внимания на пришельцев не обращал. Брат и сестра не стали задерживаться на первом этаже, где наливали крепкие напитки и разносили жареное мясо, но сразу отправились наверх.

– Странное здесь место, – сказала девушка, – если все люди равнин так неприветливы, то я хотела бы поскорее проехать их земли.

– Не думаю, что по тому немногому, что мы сегодня увидели, стоит судить обо всем народе, Римьяна, – ответил ей брат, – впрочем, скоро мы вновь вернемся в лесные земли. Я никогда не был на западе, но полагаю, обычаи наших дальних родичей должны быть похожи на наши.

Они расположились на ночлег. Римьяна повесила колчан и лук у изголовья, и по настоянию брата оставила меч при себе. Лесные жители не знали настоящих мечей. То, чем они пользовались, скорее напоминало кинжалы. Вполне функциональное для жизни в лесу изделие. Их племена почти не знали металла, он приходил к ним долгим путем.

На долину медленно напозла тьма. Казалось, она выбралась из-под основания стволов деревьев в лесу на холмах и постепенно стекала вниз.

Странное это было место... Место, где встречались разные земли. Здесь ближе всего сходились границы Восточных и Западных Лесов, где жили родственные племена. Рассказывали,

когда-то этот Лес был единым, но со временем его стали прорезать проплешины Равнины. Сама же Равнина постепенно спускалась к Морю. И если ветер дул с юга, можно было почувствовать отголоски соленого дыхания его просторов. Менее одного дня на лошади хватило бы, чтобы добраться до побережья.

Ночью на пороге небольшого двухэтажного строения у границы появился человек. Его, закутанного в серый плащ, сложно было рассмотреть во мраке. Да и некому было разглядывать незнакомца, кроме хозяина придорожного постоялого двора. Тот уже собирался запирать на ночь дом, когда дверь распахнулась, впуслав невысокого коренастого мужчину. Быстрыми тихими шагами он подошел к хозяину. После небольшого разговора хозяин молча протянул страннику ключ и кивнул на лестницу, мужчина в ответ поставил перед ним небольшой, но тяжелый мешочек.

Ни одна половица не скрипнула, когда незнакомец поднимался на второй этаж. Из-под плаща показалась крепкая мозолистая ладонь. Старый ключ также не издал ни звука, когда его повернули в замке. Слабый свет ночного неба пробивался через окно в комнату, где спали двое молодых путешественников. Незнакомец быстро глянул на кровать, где лежала девушка. Не спеша приблизившись к ней, он снял со стены лук. Какое-то смутное движение промелькнуло, как облачко, по лицу спящей, но она не успела даже открыть глаз, когда сон ее перешел в бессознательное состояние. Движение рядом заставило юношу проснуться, что не дало мужчине в плаще приблизиться к нему настолько, чтобы, как и его сестре, накрыть нос и рот влажным платком.

Ригзури прыгнул на незнакомца, словно рысь. Но тот с легкостью повалил юношу на пол и скрутил его, будто молодую птицу. Чем яростнее Ригзури сопротивлялся, тем сильнее становилась хватка мужчины в плаще. Затем последовали несколько ударов, и мир погрузился во тьму. Никто в доме не пробудился в ответ на звуки из верхней комнаты. Дом на границе оставался в полной тишине, когда его покидали трое всадников. Мужчина в плаще на высокой лошади, привыкшей нестись сквозь степи, ехал впереди. За ним на привязи бежали две низкорослые лошадки лесной породы, с грузом, переброшенным через седло.

Сквозь мрак полузабытья, Римьяна силилась приоткрыть глаза. Все ее тело сковывала боль, и веревки резали ей запястья. Внизу мелькала дорога и копыта коня. Больше ей из этого положения ничего было не увидеть. Она с трудом понимала, что произошло, и в голове проскальзывали отрывочные мысли: «брат... где мой брат...». Когда крепкие руки схватили ее тело и начали сгружать с лошади, сознание слегка прояснилось. В предзакатном сумраке Римьяна увидела силуэт брата, мешком лежащего в седле его лошади, и тогда, рванувшись всем телом, девушка яростно лягнула схватившего ее. Не ожидавший ее пробуждения захватчик уронил пленницу на землю, но быстро сориентировался и ударил. В это мгновение сквозь боль Римьяну наполнила вдруг сила и ярость, которую она никогда до сих пор не испытывала. Бывало, она любила скрыться ото всех и мчаться как безумная, сквозь несущиеся навстречу ветви. Возможно, это чувство было сродни тому...

Преодолевая боль, она рванулась головой в живот обидчику. Он попытался схватить ее снова, но девушка лягалась и кусалась, словно дикий зверек. Тогда он с силой толкнул ее на землю и ударил сапогом в живот. В глазах у девушки потемнело, и к горлу подступила тошнота. Второго удара она уже почти не почувствовала.

В следующий раз Римьяна пришла в себя только, чтобы ощутить, как деревянный пол качается под ней, а ее окружают странные незнакомые запахи. За эти два дня морского переезда девушка почти не приходила в себя. Ее поили и оставляли лежать. Брата она больше не видела.

Сильная качка давала о себе знать, особенно в трюме, куда были загнаны и заперты в небольшом пространстве несколько мужчин. Пахло потом, испражнениями и морем. Первое время Ригзури не мог полностью прийти в себя. Он боролся с подступающей волнами дурнотой, вызванной качкой и столь резкими в малом помещении запахами. Все расплывалось перед ним в головокружении и слабости. После свободной жизни в лесу, в открытых легко проветриваемых домах на деревьях, ему трудно было осознать себя в этом качающемся деревянном мешке среди бушующих волн. Впрочем, поначалу он толком и не понимал, что это, ведь никогда в жизни моря Ригзури не видел, хоть от старших и слышал о нем.

Не найдя рядом сестры, юноша попытался разузнать хоть что-нибудь от остальных пленников. Но тщетно. Все попали на корабль разными путями. Их просто закинули в трюм, и никто не знал, куда держит путь судно. Никто не строил планов побега и особо не жаждал общаться. Люди в грязи и смаривающей качке будто оцепенели и приняли все как данность. Один раз им спустили котел с похлебкой и дали воды. Мужчина в коротких штанах грубой ткани и с обнаженным торсом был молчалив и хмур. Он поставил еду и ушел. Ригзури даже не успел приблизиться, чтобы заговорить с ним. Все тело ныло от побоев, а сознание мутнело. Но призывая все ментальные силы, молодой житель Леса пытался пробудить свой разум. Нужно было восстановить в голове всю последовательность предшествующих событий, разобраться, какое сейчас время суток, в какую сторону от материка они движутся и сколько времени он уже здесь. Каждая мелочь имела значение. Он должен был во что бы то ни стало спасти сестру. Ригзури старался не думать о возможных ужасах, которые могли бы происходить сейчас с ней, чтобы не загуманивать свой ум и не уменьшать шанс на спасение. Это давалось с трудом. К тому же невыносимым грузом лежало чувство вины. Если бы он только в тот день не решил спускаться в долину... Они могли бы заночевать в соседнем лесу, под деревом, а на следующий день постараться пересечь без остановки на ночлег перешеек Равнины до Западного Леса... Если бы... если бы... Сейчас у него не было права на все эти страдания и «если бы».

Он смог выяснить, пообщавшись с остальными, что корабль в пути уже около суток. И те, кто был в сознании, утверждали, что их грузили на закате. К концу следующих, по подсчету Ригзури, суток, они причалили. Всех обитателей трюма крепко связали между собой за одну ногу, а руки закрепили веревкой за спиной. В таком виде пленников вывели на палубу. Теперь Ригзури, наконец, удалось впервые увидеть корабль, в чреве которого он провел эти страшные то ли дни, то ли ночи. Несмотря на состояние, он пытался, на сколько мог, подмечать все детали и искал глазами сестру пока их вели по кораблю. Прямые, словно обезветвленные деревья, вертикальные бревна, паутина канатов, тянущихся вниз к телу судна, и собранные в серые комочки ткани вдоль поперечных жердей. Все это было ему не знакомо... Всего несколько человек команды, низкорослых крепких мужиков, готовили корабль к разгрузке. Пленников вывели на каменную пристань и направили по мощеной улице вверх на холм. Там посреди невысоких строений располагалась торговая площадь и по совместительству рынок живого товара.

Ригзури не знал, что до них из этого корабля вывели вереницу невольниц и отправили на площадь, где уже собиралась толпа в предвкушении зрелища.

Рабов привязали к специальным столбам на окраине площади. Тех же, кого демонстрировали будущим покупателям, вывели на середину. Между голов толпы Ригзури увидел знакомое лицо. Он рванулся вперед, дернув при этом всю веревку с рабами. Это вызвало недовольство, и его же собственные соседи вернули соседа назад и повалили.

– Римьяна! – крикнул юноша, задыхаясь, но его крик потонул в толпе.

– Прекрасная крепкая рабыня, – огласил мощным голосом коренастый низкорослый мужчина с корабля. – Будет исправно служить вам!

Выведенная на площадь, Римьяна мало что чувствовала. После побоев и двух суток на корабле, она пребывала в состоянии близком к бессознательному.

– Начальная ставка три монеты! – продолжал мужчина.

– Четыре! пять! – слышались выкрики из толпы.

Несколько мужчин внимательно разглядывали Римьяну.

– Девять! – сказал громко один из них.

– Девять! – выкрикнул хриловато работороговец.

– Десять! – не сдавался один пожилой мужичок, первым начавший торги.

– Сто монет, – вдруг ровно и четко раздалось с другого конца площади, и на мгновение толпа умолкла. Там, почти у домов, с противоположного от привязанных рабов конца площади, стоял высокий человек в длинном коричневом плаще с капюшоном. На груди его висел тяжелый кованный медальон с красным камнем.

Больше за Римьяну никто не торговался. Девушку подвели к покупателю и забрали мешочек с деньгами. Мужчина с медальоном взял в руки, одетые в тонкие черные перчатки, веревку, которой была связана девушка, и увел ее с площади.

Ригзури пытался вырваться и разглядеть, что происходит на площади, но тщетно. Однако, когда его сестру уводили, толпа слегка расступилась, и на мгновение он смог увидеть покупателя. Потом толпа сомкнулась снова. Как черная вода поглощает скалы во время шторма, так волны людей поглотили его сестру, не оставив ему ни шанса хотя бы позвать ее или увидеть ее глаза предгрозового неба.

Вереницу рабов вывели на площадь. Теперь вдоль них прогуливались потенциальные покупатели, и после детального осмотра могли выбрать приглянувшийся товар. Ригзури не находил себе места. Привязанный по правую руку снова дернул его.

– Угомонишься ты?!

Потом его не резко, но настойчиво потянула веревка слева. Ригзури обернулся. Мужчина был старше него, смуглый, внешности для Ригзури необычной. Некогда рыжие выющиеся волосы привязанного висели смотанными грязными прядями, как и борода. А из одежды были только драные штаны из грубой материи. На крепкой бугристой спине виднелись светлые полосы шрамов.

– Кого у тебя забрали? – тихо спросил левый, когда Ригзури по его знаку наклонился. Мужчина был невысок, как и местные корабли.

– Сестру, – с трудом произнес в ответ юноша. Он слабо понимал местный язык: раньше ему не приходилось общаться на нём, хотя он и был обучен общематериковому.

– Успел разглядеть покупателя?

– Мужчина в плаще...

– Богатые приметы, – усмехнулся левый.

– Да... на груди был красный камень.

Лицо вопрошавшего посерело.

– Тогда можешь не пытаться искать ее.

Ригзури вскинулся:

– Почему?.. Кто он?

– Это был Жрец, – ответил раб.

Ригзури не отрывал взгляда от мужчины. Периодически юношу пытались ощупать проходившие мимо. Он только отмахивался. За что получил удар от работорговца.

– Говори! – яростно прошептал Ригзури, – какой жрец? Какой веры?

– Ты не знаешь Жрецов? – усмехнулся раб. – Из какой глуши тебя только выловили... – И после паузы добавил: – Жрецы... они правят этими землями. Можно сказать так. Но сами здесь не живут. Время от времени они забирают к себе девушек. Увозят их на кораблях в холодное море.

Он посмотрел вниз, поморщился, что-то вспоминая. Сглотнув, продолжал еще тише:

– Когда я был мальчишкой, они забрали мою мать... Отец пробовал искать ее. Такой же неугомонный. Не знаю, как ему вообще удалось найти... Но он говорил, что нашел ее мертвой. Она не была убита, но это была не она. Не та женщина, которую он знал, может, не человек вовсе... Он почти ничего не рассказывал. Но я помню тот ужас и отчаянье в его глазах...

– Нет... – прошептал Ригзури. – Нет! – повторил он тихо и твердо. – Я ее найду.

Глава 2. Рабы

Солнце поднялось в зенит, и над площадью нависла знойная жара. Она мучила не привыкшего к пребыванию на открытом солнце Ригзури. Терзала его и жажда. Рабов напоили лишь раз в этот день – когда выводили с корабля.

К веренице приблизилась женщина средних лет. Держалась она прямо и слегка надменно, уверенно занимая свою позицию в этом мире. Платье ее довольно простое и строгое было скроено из качественной ткани и, как мог бы отметить человек этих мест, дорогой, поскольку такого рода материалы привозились исключительно морем. Широкая шляпа из тонкой соломки с кружевными лентами скрывала голову и лицо покупательницы от становившегося невыносимым солнца.

Она внимательно осмотрела Ригзури и, повернувшись к работорговцу, прохаживающемуся вдоль ряда, уточнила цену.

– Пять монет, – ответил тот.

Дама недовольно поджала губы и снова бросила взгляд на юношу.

– За что здесь пять монет? Он же сдохнет под нашим солнцем за неделю! Я вам милостыню можно сказать подаю, покупая его! Две монеты, и не серебряником больше!

– Госпожа, – развел руками и криво улыбнулся этот хмурый и грубый человек, произнесенное «госпожа» так не шло к его облику, что могло показаться почти комичным, если бы хоть кому-нибудь из присутствующих было до смеха.

– Это отличный крепкий малый! Вы бы видели, как он сражался, когда мы его брали!

– Хм... так у него еще и дурной нрав, – сказала женщина, слегка отворачиваясь и делая вид, что собирается уйти.

Работорговец ловко обогнул ее:

– Ладно, только ради такой прекрасной госпожи – четыре монеты, и в подарок отдам вот этого! – и он кивнул в сторону привязанного слева от Ригзури. «Все равно с него никакого проку. Явно же, что беглый раб», – буркнул себе под нос продавец.

– Ладно, три, – хмуро ответила женщина.

– Три монеты за двух таких крепких рабов! Да они вам все поле только вдвоем перепашут!

– Врет и не стесняется, – усмехнулась она из-под полей шляпы. – Еще пять серебряников добавляю, но это, – она холодно посмотрела на продавца живого товара, – моя последняя цена.

Работорговец кивнул, забрал деньги и приказал отвязывать. Женщина подала знак высокому смуглому мужчине в холстяных одеждах, который следовал за ней на почтительном расстоянии. Тот приблизился к рабам и забрал веревку. Ригзури оглядел сопровождающего: мужчина был крепок и чуть не на голову выше него, потому среди местных казался просто великаном. «Но нас двое, и если действовать слаженно, – подумал Ригзури, – можно вырваться и скрыться». Однако мест этих юноша не знал, и было не ясно, куда бежать. Когда они покинули площадь и пошли по широкой пыльной дороге, он слегка обернулся к своему спутнику и взглядом показал в сторону. Но тот лишь усмехнулся и покачал головой. Видимо, знал больше об этом мире, чем молодой житель лесов. При мужчине был странная поблескивающая на солнце палка на ремне. Ригзури раньше не доводилось видеть такой, но чутье охотника подсказывало ему, что это могло быть оружием.

Земля здесь была совсем не та, что в родных местах Ригзури. Покрытая желтовато-белой пылью дорога делала плавные изгибы и уводила их дальше за холм, огибая корчившийся по нему город. Вдоль дороги почва выглядела каменистой, но это были лишь слипшиеся комья этой странной пыльной земли. Растительность, казалось, задыхающаяся в пыли под паля-

щим солнцем, торчала то там, то тут неаккуратными прядями и клочками. Вдалеке виднелись небольшие группы деревьев. Но все в их облике было незнакомым – ни стволами, ни формой кроны, ни высотой они не походили на те, что составляли его лес.

Ригзури понурил взгляд и подумал, что ему повезло чуть больше, чем следовавшему за ним: у него хотя бы была обувь.

Вскоре город остался позади. А впереди раскинулись поля. Дама, купившая рабов, куда-то пропала сразу как они покинули площадь. Ее же новое приобретение сопровождал высокий молчаливый мужчина. Он не сказал им ни слова за все время пути, просто вел их по дороге, как если бы вел коров или коз. Впрочем, первых у жителей лесов не водилось, а вторые паслись обычно независимо от людей, и Ригзури не с чем было сравнить.

Вдалеке за полями показались невысокие домишки, построенные из чего пришлось: веток, соломы, обломков заборов. Далее следовали длинные каменные постройки и маленькие, на высоких ножках домики.

Новых рабов провели за один из длинных домов. Там располагались загон для домашней птицы. Их встретила немолодая женщина в простом рабочем платье и длинном фартуке, осмотрев новеньких, она повернулась к сопровождающему:

– Отведи их к реке помыться, а потом в общий дом. А там уже поглядим, на что они годны. – И ушла кормить птицу.

Ригзури перевел взгляд на высокого мужчину, и их глаза встретились. Раньше он не видел таких темных глаз. Как будто два уголька из-под мощных дуг бровей смотрели на него, и в них на дне колыхалось мутное озеро печали. Смуглый великан отвернулся от Ригзури и потянул рабов за веревку, принуждая следовать за ним. Они обогнули хозяйственный двор и спустились к реке. Здесь растительность густела и наливалась большими красками. Появился кустарник, и трава перестала выглядеть как общипанная курица перед варкой.

– Раздевайтесь и полезайте в воду! – сказал их надсмотрщик. Люди здесь очень странно говорили, хоть Ригзури и понимал местную речь, но это давалось ему с напряжением. Акцент же этого мужчины был отличен.

– Что, прямо с веревкой? – усмехнулся Левый.

– Веревку я отвяжу, – хмуро ответил Высокий, – но учтите, что бежать вам здесь некуда, за рекой – собаки. Они загрызут вас, – говоря это, он и сам как-то хищно улыбнулся, и Ригзури стало не по себе. Было в этой улыбке что-то... нечеловеческое.

Вода в реке оказалась теплая и мутная. После холодных и кристально чистых рек и ручьев его родины, Ригзури почувствовал, будто влез в мутную жижу. Однако учитывая предшествующие купанию события, возможность помыться хотя бы так принесла облегчение его измотанному побоями, кораблем и жарой телу.

– И косу свою расплети, – крикнул ему Высокий, – там небось вшей немерено.

Ригзури проигнорировал слова с берега и просто нырнул с головой в воду. Когда он вынырнул, то обнаружил перед собой довольное лицо Левого. Тот интенсивно растирался водой и промывал слипшиеся волосы.

– Давай! А то потом когда еще пустят! Что, брат, ты так первый раз попал? – он продолжал плескаться, как утка, – учись наслаждаться маленькими радостями. Больших у тебя в ближайшее время не предвидится.

Ригзури посмотрел на другую сторону реки. Там также рос густой кустарник. Ригзури хорошо плавал и знал, как управляться с сильным течением. Река, хоть и мутная, казалась ему безопасной.

– Хм... – просипел Левый, – я бы на твоём месте не делал скорых выводов из того, что видишь, – сказал он тихо, будто прочитав мысли во взгляде юноши, – я-то знаю, что такое хозяйские собаки. Живым ты от них не уйдешь.

– Как мы можем знать, что они действительно там есть? – тихо ответил ему Ригзури, изображая активное мытье.

– Сплавай, да попробуй! – хмыкнул Левый.

– Ну, вы там! Топайте обратно, лягушки! – слышалось с берега.

– Можешь звать меня Топорик! – сказал Левый, вылезая.

– Кто тебя так назвал? – удивился юноша. Это прозвище, по мнению Ригзури, не слишком подходило Левому.

– Кто назвал, тот назвал. А придет время, может, и узнаешь, почему.

Они оделись и за Высоким пошли снова к хибарам. Среди этих строений, в глубине участка, располагалось более крупное здание, скорее напоминавшее загон. Стены его состояли из тонких узловатых, но прямых веток, неизвестного Ригзури растения. Длинный загон этот покрывала хлипкая скошенная крыша. Там и размещали рабов.

Глава 3. В северных водах

Корабль, на который отвели Римьяну, отличался от прежнего. Достаточно широкий и плоскодонный, с длинным килем, изготовленный из негниющих пород дерева, а его мачты – прочны и гибки. Корабль жрецов обладал хорошей остойчивостью¹ и выносливостью, ибо не бывало такого, чтобы на пути к Острову они не попадали в шторм. Римьяну разместили у грот-мачты. Похоже, что ни у кого из команды не было укрытия. Все работали и жили прямо на палубе, под сенью двух мачт. Присутствие девушки воспринималось само собой разумеющимся, и никто даже взглядом в ее сторону не вел, продолжая слаженно работать. Достаточно быстро земля отодвигалась от них, и судно уходило все дальше по свинцовым морским водам.

Купивший девушку мужчина в плаще приблизился к ней. Когда он присел рядом, Римьяна смогла, наконец, увидеть его лицо. Он показался ей скорее пожилым, с очень спокойным выражением лица, глубоким слегка отчужденным взглядом. Кожа его не была смугла, как у здешних жителей, да и черты отличались большей мягкостью и плавностью – тонкие губы под ровной линией усов, изгиб негустых черных бровей... Он протянул руку и дотронулся до живота девушки. От неожиданности и страха она вздрогнула, но мужчина будто не заметил этого. Спокойным и четким движением он поднял ее рубаху, оголяя живот девушки, и легким прикосновением пальцев другой руки провел по животу и замер, не отрывая пальцев от кожи. Римьяна вздрогнула еще раз, уже от боли, но когда его пальцы остановились на ее теле, она почувствовала, как боль постепенно растворяется. Он продолжал смотреть будто бы на нее, но взгляд его проходил сквозь.

Потом так же молча он ушел, оставив Римьяну лежать у мачты. В животе ее происходило что-то необычное. Боль вначале растеклась шире, а потом постепенно растворилась, как кусочек льда в весеннем ручье. Девушка лежала, смотря в небо. Там на фоне голубизны вытягивалось пузырем белое полотно паруса. Его обтянутые тросом края напоминали ей охотничьи силки. Она прикрывала глаза, и качка убаюкивала ее: ствол мачты постепенно превращался в ствол большого дерева, под которым она любила играть ребенком, крики морских птиц сменялись чириканьем и шелестом леса. Девушка все глубже уходила в сон, и на лице ее стала появляться мягкая детская улыбка. Она снова дома... сейчас ее позовет брат, скажет ей, что пора идти, и они побегут через лес по знакомой тропинке к деревьям, на которых, как грибы, прилепились маленькие деревянные домишки, заберутся по одной из веревочных лестниц... там, дома...

Корабль шустро нырял в проем волн и выпрыгивал на гребни. Высота их не пугала ни команду, ни капитана. Небольшое судно казалось одним из морских зверей, привыкших маневрировать в буйных водах. Несмотря на вполне ясное небо, ветра в этой части морских владений дули злобно и постоянно. Немногие решались пройти этим путем. И зачастую лишь жреческие корабли бороздили свинцовые северные воды. Все прочие суда огибали землю на запад, стараясь поначалу больше держаться относительно безопасной береговой линии, а затем поворачивали к архипелагам, лежащим в теплых южных морях. И хотя это не было гарантией отсутствия шторма, однако там он случался лишь в определенное время года, да и до какой-нибудь твердой земли расстояние было не столь велико, как если бы двигаться в северном направлении. Здесь же лежали бескрайние злые воды. И в нескольких днях пути – одинокий Остров жрецов.

Корабль подошел к скалистому берегу и, руководимый умелым шкипером, нырнул в бухточку, между скальных отрогов. Там, пробираясь по узкому проходу, словно в пещере, он сбро-

¹ Остойчивость или валкость судна – его способность противостоять внешним силам, вызывающим крен, и возвращаться в прежнее положение равновесия после окончания воздействия.

сил паруса, и из бортов его, как лапки многоножки, выросли длинные весла. Они слаженно заколыхались, приближая деревянную лодью² к берегу.

Жрецы пришвартовали корабль и начали быстро выгружать тюки и ящики на берег. Римьяну вывели последней. Всю поклажу несли сами моряки. Никто не ожидал их на пристани. Им не было выделено животных для транспортировки груза. Вереница моряков с поклажей на спинах потянулась вверх по каменистой тропе. Жрец и Римьяна, которую он сопровождал, шли последними.

Здесь на острове ветра не ослабевали. Они продолжали вынимать душу из путников, как делали это на корабле. Они забирались под их плотные рубахи, прокрадываясь под крепкие ребра и, казалось, дули в самое сердце. Римьяне, прожившей всю свою такую еще не длинную жизнь в лесах, казалось, что она попала в иной мир. Здесь все было настолько отлично от знакомого ей, даже сама природа казалась враждебной, и девушка с трудом осознавала, что все произошедшее с ней в последние дни было не затянувшимся ночным кошмаром, навеянным криком совы сквозь туман сна, а реальностью. Ведь этого просто не могло быть! Всегда находившаяся под опекой брата, семьи, общины, она шла сейчас по незнакомой холодной земле в сопровождении незнакомцев. С ней обращались так, как она не стала бы обращаться даже с добычей на охоте. Охота была всегда честным делом: умением выйти и сразиться с силой или скоростью животного, причем ради пропитания. Но это... торговля людьми, ночное похищение путников из-под крова... Все это просто не могло случиться под этими небесами! Девушка подняла взгляд к небу. Там не колыхались, убаюкивая, древесные кроны. Там плыли рваные куски мутных облаков по серому небосводу. Сгущались сумерки. Впереди показалась скала и на ней каменная стена с воротами. «Быть может, под этим и могло...», – подумала девушка.

Высокие ворота распахнулись и поглотили вереницу людей. Во внутреннем дворе их ждала рослая женщина в буром одеянии до земли. Она жестом направила людей. Потом обменялась взглядами со жрецом и указала девушке следовать за ней. На груди женщины был закреплен небольшой алый камень, такой же, как и у жреца, а темно-коричневые волосы аккуратно собраны. Все остальные продолжали заниматься разгрузкой во дворе. Приведший Римьяну остался стоять у ворот, наблюдая за этим процессом. Сегодня они переночуют здесь в специально отведенном помещении и на утро снова покинут остров. Девушку же, привезенную ими, ожидала иная участь.

Жрица провела ее через двор, и они стали подниматься по крутой каменной лестнице в здание. Это была лишь малая часть крепости-монастыря, где Римьяне предстояло остаться.

² Здесь и далее именно лодья.

Глава 4. Путь к свободе

Дни на ферме шли нескончаемой безразличной чередой, разбиваемой лишь короткими ночами забытья. Здесь никому не было дела до чувств рабов, было лишь важно – может ли он работать. И если нет, то – как это можно скорее исправить. Не привыкшего к такой жизни и подобному труду Ригзури спасала лишь его природная крепость и выносливость. Тяжело перенося жару и зной, он однако обладал хорошим здоровьем, что давало юноше преимущество перед многими, работавшими здесь уже несколько лет. Достаточно быстро юноша понял, что люди, оказавшиеся в этом месте, были пусть и не всегда дешевым, но расходным материалом. И чтобы иметь силы и возможность сбежать, ему необходимо умело маневрировать между своим переутомлением и плеткой надсмотрщика.

С того самого дня на площади Ригзури сдружился с другим купленным в этот день рабом – Топориком. Несмотря на столь же плачевное положение, тот духом не падал. Он с интересом приглядывался к «юнцу», как он про себя называл Ригзури. Парень забавлял его своей необычностью и неосведомленностью. И Топорик считал его подходящим партнером для побега.

В загоне, где они спали и принимали вечернюю похлебку вместе с другими рабами, Топорик и Ригзури старались бесед не вести, однако, когда работа сводила их вместе, они могли позволить себе перекинуться несколькими фразами.

– Скажи, как вышло, что у тебя так исполосована спина, – спросил однажды Ригзури у Топорика за чисткой стойл.

Тот ухмыльнулся:

– Я смотрю, ты долго продержался, и все же любопытство взяло верх. Не знаешь, за что дают сто плетей, да?

– Сто... – Ригзури передернуло. Он уже испробовал на своей шкуре, что такое удар плетью, и с какой легкостью она превращает в мясо крепкое тело. – Как после такого выживают?

– Не выживают, – хрипло сказал Топорик. – Это смертный приговор, который выносят провинившимся рабам. Рабов никогда не казнят. Это не принято. Их уморяет работа, а за сильные послушания их забивают плетью.

В тот день разговор им продолжить не удалось. Впоследствии Топорик избегал данной темы.

Над трудящимися на высохшей земле людьми возвышалось золотым скипетром солнце, норовя обрушиться на их ничем не защищенные головы. Ригзури чувствовал, что долго ему не продержаться. Привыкший ко многому Топорик наблюдал напарника, надеясь, что тот дотянет до того времени, когда им удастся найти лазейку.

Не слишком часто навещавшая свои владения хозяйка жаловала лошадей. В ее конюшне те жили во много раз привольнее, чем в соседнем загоне – люди. Однажды Ригзури посчастливилось на ее глазах успокоить не в меру разбушевавшегося скакуна, напугавшего грозными копытами конюхов. Обратив на это внимание, госпожа смерила нового раба пристальным холодным взглядом и велела, чтобы его перевели на конюшню.

– Будешь помогать конюху, – сказал ему главный надсмотрщик, – попробуешь сбежать – пристрелят.

Теперь они с Топориком виделись реже, однако работа на конюшне давалась Ригзури легче, чем на полях, к тому же здесь у него была возможность реже бывать под палящим солнцем, и это позволяло ему хоть немного оставаться собой.

Только по вечерам, в общем бараке, заговорщики могли обменяться парой понимающих взглядов, в них они находили поддержку, осознавая общность в направлении мыслей другого. Разумеется, они никогда не поднимали вопрос побега в разговорах, однако оба видели эту несломленную решимость друг в друге, и между ними созрела негласная договоренность.

Главный конюх, в отличие от Ригзури, был не рабом, а наемным рабочим, а потому имел возможность отлучаться с конюшни по своему усмотрению, не рискуя при этом заработать удар кнутом. Рабы чистили стойла, носили сено и выполняли всю грязную работу, однако до лошадей их как правило не допускали. Выводить коней, тренировать и чистить являлось обязанностью конюха. Однако со всеми лошадьми он один не мог управляться, поэтому ему в помощники были выделены несколько рабов, и последним к его команде присоединили Ригзури, после того, как его предшественник скончался.

Юноша и впрямь очень здорово ладил с конями. Ригзури привык к вольным животным, не обремененным тяжелым седлом и железом во рту, и знал, как заставить лошадь мягкими методами слушать своего седока. Однако он старался сразу не показывать всех своих умений. И у него потихоньку начал созревать план побега.

– Через степь? – тихо переспросил Ригзури, когда заговорщикам посчастливилось работать вместе, выгребая навоз.

В ответ он получил только кивок.

– Ты знаешь эти места? – наклонив голову, чтобы не было заметно беседы, спросил Ригзури.

– Отчасти. Если ты сможешь помочь здесь, то дальше – положишься на меня, – так же тихо просипел Топорик.

– Эй, ты, хвостатый! – крикнул высокий мужчина, пришедший на конюшню. Ригзури раньше его не видел здесь. Судя по одежде и манере поведения, тот был из надсмотрщиков. Следовало опускать глаза и делать свою работу. Особенно теперь, когда они уже начали разрабатывать план побега. – К тебе обращаюсь! Это ты конем что ли прикинуться пытаешься – хвост в косу заплел! – и мужик громко заржал, – овса, думаешь, тоже дадут?

Как и следовало, Ригзури лишь продолжал работать лопатой, выгребая навоз.

– А я тебя научу сейчас... – голос отдавал хмелем. Мужчина приблизился и ухватил юношу за длинную крепкую косу.

Ригзури мог спокойно выдержать, если бы его драли за волосы, но то, что случилось потом, он стерпеть не мог. Надсмотрщик выхватил кинжал и одним мощным движением сверкнувшего лезвия полоснул по волосам раба. Ригзури рванулся, и с разворота ударил обидчика лопатой. Это был позор – одно из страшнейших оскорблений, лишить косы мужчину его племени.

Повалившись слегка, мужчина взвыл и ринулся к рабу, но тот оказался проворнее, а главное, яростнее противника. К тому времени как на шум прибежали и скрутили, избив до потери сознания, непокорного раба, он успел так отделать превышавшего его в росте и размерах надсмотрщика, что тот едва мог подняться. Однако когда все же смог, то первым делом пнул с яростью несколько раз в живот лежащего без чувств в куче навоза рядом с отрубленной косой молодого раба. Ригзури предстояло битье кнутом. План побега оказался под угрозой.

Однако медлить было нельзя. Друзья знали, что именно этой ночью конюх будет не трезв, и теперь шанс ускользал из их рук, как черная бесчешуйная рыба. Топорик был вне себя, но Ригзури вряд ли мог знать об этом, ведь был привязан к жердям на улице, подставляя исполосованную спину ночному звездному небу. От ста плетей его спасло благоволение хозяйки, ценившей тех, кто умел обращаться с ценными ею более людей.

Тихонько выскользнув из барака, Топорик, поднаторевший в побегах, подкрался к лобному месту. Юнца не охраняли. Сочли это не нужным. Ножа у раба, разумеется, не было, однако от пут можно было освободить иным образом – ведь кто мог подумать, что у узника, избитого плетями, хватило бы силы выдрать жерди из земли. У Топорика же хватило. От прикосновения Ригзури пошевелился.

– Тсс... Ни слова! Сейчас или никогда. Придется тебе так.

Юноша только стиснул зубы и кивнул. Они двинулись к конюшне. Лошади не шелохнулись, почувствовав всегда столь заботливого к ним человека. Пока Ригзури выводил коней, Топорик быстрым и точным движением сильных рук лишил конюха возможности вызвать подмогу. Занятый лошадьми, Ригзури не видел этого.

Однако надолго незамеченными беглецам остаться не удалось. Вскочив на неприкрытые спины коней, они бросились в степь, но вскоре за ними уже ревел лай своры голодных сторожевых псов.

Кони неслись во весь опор, напуганные собаками, а те, спущенные с цепей, рвались кусать их за ноги. Ужас в темных глазах скакунов, их храп, заполняющиеся слюной рты... Всадники ехали без узды и седел, как на родине Ригзури. Он был впереди, так как лошадь слушалась его, а вторая неслась за первой, и на ее спине, цепляясь за гриву, и стараясь изо всех сил удержаться, плюхался Топорик.

Ночной воздух прорезал гулкий хлопок. Лошадь под Топориком издала странный звук и завалилась на бок, храпя, она некоторое время перебирала копытами, но потом перестала. Раскрытые черные глаза застыли с выражением ужаса в них. Топорик, в отличие от его напарника, хорошо понял, что случилось. Он ловко выбрался из-под тела умирающего животного и бросился к Ригзури, пытавшемуся удержать своего коня. Рыжебородый вскарабкался к нему, на ходу рыча «во весь опор! Скорее!!!» Конь тронулся, но под тяжелым весом двух мужчин уже не мог нести столь же резво. Ригзури было жаль бедное животное, и того второго, что остался лежать в высокой степной траве. Однако мужчина за ним лишь ревел «погоняй! А то дострелят!»

Вскоре, подтверждая его слова, раздался еще один выстрел. Но расстояние между ними и стрелявшим, видимо, было уже больше дальности ружья, и хлопок не принес новых жертв.

По следу беглецов продолжали бежать псы. Свирепые животные, которых держали впроголодь, готовые разорвать любого, мчались по примятой копытами траве, заливаясь злобным лаем. Измученный конь рухнул под своей ношей, и только в ужасе дергал ушами в ответ на хищный лай.

– Всё, – тяжело просопел рыжебородый, однако занял оборонительную позу.

– Не совсем, – ответил ему светловолосый юнец, он почему-то был спокоен. – Собирай камни, – сказал он спутнику, и сам принялся выполнять сказанное.

Топорик в дополнительном приглашении не нуждался и без лишних слов принялся искать в траве камни. Лай тем временем приближался, а его спутник стал вести себя странно. Он опустил на колени, приклонил лоб в землю и попросил у нее и у собак прощения. Потом поднялся, зажав в правой ладони один из камней, и застыл в неподвижности, и вдруг с силой швырнул его на звук. В общем лае резко послышались скулящие ноты. Ригзури взял новый камень, однако бросать его не стал, но замер, прислушиваясь. Собаки продолжали лаять, но почему-то не приближались.

– Я не хочу причинять вам зла, – с мукой в голосе прошептал Ригзури, – уходите.

– Может, попробуем снова на лошадь? – спросил его Топорик.

– Нет, они будут преследовать, если мы побежим, – ответил юноша, – они должны уйти сами. Я убил или покалечил их жоака.

Топорик покосился на него с недоверием.

– Уходите, – повторил Ригзури.

Лай опять начал нарастать. Тогда Ригзури запустил камень и, судя по звукам, снова попал. Собаки стали тише.

– За ними идут люди с оружием, – тихо сказал ему Топорюик.

– Не думаю, – ответил Ригзури, – Я не слышу их, возможно, слишком доверяют собакам.

Собаки же лаяли как-то неуверенно и не приближались. Тогда Ригзури сам начал движение на них, держа наготове камни, и свора вдруг сорвалась с места и двинулась от него. Недолгое время он преследовал их, а потом остановился, ожидая, когда те уйдут на большое расстояние, и медленно вернулся к своему спутнику.

– Лошадь придется оставить, – сказал он ему, – ей все равно не унести нас двоих, а сейчас она без сил. Пусть отдохнет, а потом она сама найдет дорогу к стойлам. Надеюсь только, собаки не тронут ее.

– Хорошо, – кивнул Топорик, – но нам нужно торопиться. Они могут догадаться, что собаки не загрызли нас.

И двое беглых рабов двинулись в ночную степь. Они не чувствовали усталости, переполненные ражем побега, и шли всю ночь, время от времени прислушиваясь к необычному вою. Но то были шакалы. Когда солнце озарило колышущиеся пахучие травы, рыжебородый мужчина и светловолосый юноша добрались до балки и, укрывшись в ее колючих кустах, повалились на землю и забылись, наконец, сном.

Раны Ригзури нещадно ныли, но их нечем было даже перевязать. Топорик промыл их в ручье, из которого они пили воду.

– Держись, брат, – взял он за обгорелое плечо юношу, – теперь не сдохни только, ведь мы уже на свободе...

«На свободе...» – Ригзури поднял серо-голубые глаза к небу. Он потерял сестру, свою честь, лишившись косы, его тело представляло месиво из ран и синяков... Нет, он еще поживет... Он должен жить – ради нее. Он найдет ее и заберет у жрецов, чего бы ему это ни стоило. А косу... Что ж. Ее он потерял заслуженно: не смог сестру уберечь.

Глава 5. Монастырь на Острове

Поначалу Римьяна с трудом осознавала, где она оказалась. После всего, что с ней произошло за последние дни, она ждала чего-то ужасного, совершенно не понимая, зачем ее привезли на этот остров посреди бушующих морских вод, о существовании которых ранее она имела весьма смутное представление. Теперь же, проведя на корабле несколько дней, она оказалась в месте, которое также вряд ли могла бы представить раньше – высокое каменное строение, такое же мрачное, как этот остров, окруженный ледяными водами. Все для девушки излучало холод и неприветливость, в отличие от ее родных мест. Она пыталась создать хоть малое ощущение уюта в душе, вспоминая шершавые стволы деревьев, среди которых росла и жила, теплый свет, лившийся на землю через их листву, голоса родных... и среди них голос брата, она видела его добрую улыбку, когда он смотрел на нее... И тогда боль разлуки и отчаянье от того, что она его больше никогда не увидит, накатывались на нее еще более ледяной волной, чем те, что врезались в скалистый берег острова. Она погружалась в туман и оцепенение, эта боль была выше, чем девушка могла сейчас вынести, и разум блокировал чувства.

Однако здесь в Монастыре вовсе не ждали ужасы, как предполагало юное создание. Вместо этого встретившая ее женщина повела Римьяну через ряды арок, потом по длинным каменным лестницам, завивающимся, как домик улитки, и наконец, в башню. Там она открыла одну из узких деревянных дверей и пригласила девушку внутрь. Слегка приклонив голову, чтобы зайти, Римьяна переступила порог и увидела перед собой небольшую округлую комнату, с высоким потолком и длинным стрельчатым окном. В комнате располагалась деревянная кровать с пологом и небольшой деревянный столик и стул с высокой спинкой поблизости к окну.

– Это твоя келья, – сказала женщина. – Я оставлю тебя здесь. Отдохни немного. Я скоро вернусь и отведу тебя к Старшей Жрице. Меня ты можешь звать сестрой Нриттой.

После этих слов женщина сразу же мягко закрыла за собой дверь, и Римьяна осталась одна. Все в том же оцепенении она подошла к окну. Там бушевал ветер, раскачивая кроны кривых разрозненных деревьев, цепляющихся корнями за каменистый склон.

Монастырь внутри оказался куда более просторным, чем казался снаружи. Разные части здания соединяли как крытые, так и открытые переходы. Пока по ним девушку вели в центральную часть, где располагалась комната Старшей Жрицы, она увидела, что первый двор был не таким уж внутренним. На самом деле, здание окружало настоящий внутренний двор, наполненный совсем иными деревьями, чем снаружи, – плодовыми. А под ними был разбит огород.

Они вновь кружили по переплетению лестниц, когда после очередного поворота коридора перед ними открылась высокая деревянная дверь с витиеватыми металлическими скобами. Казалось, их рисунок вобрал в себя завитки ветров, волны и язычки пламени. Жрица, сопровождавшая девушку, тихо постучала. Услышав в ответ голос из-за двери, онапустила Римьяну и сразу же затворила за ее спиной дверь.

Комната была просторна и хорошо освещена. Римьяна раньше не видела таких светильников, как здесь. Крупные кованые подставки несли на себе языки пламени, прикрытые некоей прозрачной оболочкой. В лесах, где выросла девушка, не использовали стекла. В комнате вдоль

стен располагались полки до самого потолка. Они были уставлены книгами и свитками. С письменностью Римьяна была знакома, но она никогда не видела столько книг сразу в одном месте.

Необычные предметы так увлекли ее, что она не сразу заметила невысокую худощавую женщину, сидевшую за столом у окна. Однако та внимательно смотрела на Римьяну с первого же момента появления девушки в комнате.

На вид можно было сказать, что женщина не молода, но в то же время и вошла в пору заката. Прямая осанка, живость во взгляде, все выдавало в ней внутреннюю силу, даже мощь. На девушку она смотрела очень мягко, но внимательно, будто разворачивая ее саму, как свиток.

– Проходи, – сказала Жрица.

Римьяна медленно приблизилась. От Жрицы, как и от остальных в этом месте, не исходило чувства опасности, коими была переполнена тогда площадь, или враждебности. Эта женщина совсем не походила и на людей леса, среди которых выросла Римьяна, но скорее напоминала деревья этого острова, выжившие на холодных ветрах, даже вопреки им, и оттого напитавшие себя силой. Несмотря на хрупкое телосложение женщины, Римьяна ясно чувствовала обманчивость этой оболочки.

Девушка надеялась, что, может, теперь, наконец, ей что-то объяснят. Однако Жрица не торопилась отвечать на ее невысказанные вопросы.

– Я не буду спрашивать твоего имени, – вместо этого сказала женщина, внимательно взирая каре-желтыми глазами на девушку. Блики светильника на столе перед ней бросали отблески на чеканное лицо, узкий нос, высокий лоб, почти с полным отсутствием морщин слегка грубоватую смуглую кожу. – Оно тебе больше не пригодится.

Эти слова прозвучали не жестко, не холодно, но так уверенно, что Римьяна не сказала в ответ ни слова.

– Теперь тебя будут называть сестрой Мелиссой. Мы здесь все сестры друг для друга. И с этого момента мы твоя единственная семья.

«Это не так», – сказала сердце девушки. Но Римьяна снова промолчала.

– Меня можешь называть просто Старшей Жрицей. К любой из нас так же можешь обращаться «сестра». Сейчас тебя проводят в трапезную, а потом сестра Нритта расскажет, что делать. Мы с тобой встретимся позже, когда ты немного придешь в себя.

На этом разговор был окончен. Дверь открылась, на пороге стояла все та же жрица, что сопровождала девушку. Римьяна послушно пошла к ней, но почти у самой двери резко обернулась и снова посмотрела в желтоватые глаза Старшей Жрицы. Она очень остро чувствовала, что придет время сказать многое этой женщине, но... не сейчас. Нритта мягко закрыла дверь и повела Римьяну за собой.

Сопровождавшая Римьяну жрица была крупного телосложения, по виду старше девушки лет на десять, но походкой обладала легкой, даже когда восходила по крутым ступеням, и мягкой улыбкой, когда обращалась к Римьяне. Однако в ней, как и в других, была какая-то отстраненность.

Нритта привела девушку в высокий и широкий зал, где жрицы принимали пищу. Там располагались крепкие деревянные столы и скамьи с двух сторон от них. Никаких излишеств, цепляющих взгляд, все просто и добротное. Жрицы сами набирали еду в деревянные тарелки из больших чанов в дальнем конце зала. Туда подвели и новенькую:

– Здесь похлебка, – сказала Нритта, – простая, но питательная – это то, что нужно нашему телу. – И улыбнулась. – Ты можешь брать сколько тебе нужно. Вскоре ты почувствуешь, что для питания физической оболочке нужно не так много. Но сейчас ты ослаблена, поэтому ешь хорошо. Там дальше блюда с фруктами и овощами. И теплая вода. Лучше перед едой выпей один-два стакана. Потом мы молимся. И затем приступаем к трапезе.

Фрукты и овощи оказались в большинстве своем незнакомыми, и Римьяна взяла немного тех, что хоть как-то походило на росшие в их лесах. Вместе с Нриттой они сели за один из

длинных столов. Зал постепенно наполнялся людьми. Здесь были только женщины и девушки. Все в одинаковых длинных платьях. Плащей, как на жрецах, на них не было. Однако платья отличались по цвету. На большинстве были одежды из буроватой ткани, а на груди закреплены небольшие алые камни. На некоторых одеяния были серого цвета, а камень отсутствовал. Такое же серое платье перед походом в трапезную Нритта дала Римьяне. Зал заполнился почти целиком. И, несмотря на то, что Римьяна не видела и половины Монастыря, она недоумевала, где все эти жрицы живут.

Прозвучал гулкий удар по металлическому предмету. Тогда девушка обратила внимание, что в том же конце зала, где они брали пищу, висела гигантская золотистая лепешка на мощных веревках. Видимо, она и издала этот странный вибрирующий звук. Оглянувшись по сторонам, Римьяна увидела, что все рядом уже опустошили свои стаканы и сидят прямо, чего-то ожидая. Она поспешно выпила воду и только тогда осознала, как сильно хотела пить. В дальнем конце зала появилась Старшая Жрица. Она так же была одета в бурое платье, как и у большинства. Волосы забраны назад, и только медальон на груди был крупнее и иначе оправлен. Римьяна со своего места не могла разобрать деталей, но вспомнила, что не видела медальона, когда приходила к ней в покои.

Жрица распахнула руки, как будто желая объять все пространство зала и даже за его пределами. Другие, сидящие за столами, наоборот положили кисти рук на стол, ладонями вверх. Новенькая повторила жест. Какое-то время ничего не происходило. Однако отсутствие изменений было лишь визуальным, в то время как воздух, стал будто бы наполняться чем-то, становясь гуще, Римьяна почувствовала, что ей сложнее дышать. Тогда она стала дышать глубже. Вдруг она ощутила ладони, коснувшиеся обеих ее рук, и увидела, что все сидящие сомкнули руки с соседями. Ладони жриц в центре были невероятно горячи, и это тепло будто изливалось наружу, прямо в ладони Римьяны. Она больше не могла держать открытыми глаза и сомкнула их, поддавшись общему течению. Она как будто плыла в теплой волне. Легкая вибрация заполнила ее тело. Через некоторое время голос Старшей Жрицы вернул ее к реальности.

– Благодарю всех присутствующих здесь, и отсутствующих. Тех, кто помог нам добыть, вырастить и приготовить эту пищу. Пусть она принесет благо нашему телу и духу! Благодарю!

Все тихо повторили «благодарю!» и отпустили руки. Жрица села за один из столов с остальными, и все спокойно принялись за пищу. Ели медленно, словно прибывая в своих мыслях. Никто не разговаривал. Еда показалась девушке безумно вкусной, но она с легким удивлением заметила, что ела быстрее соседей, и когда закончила, ее тело просило еще.

Это желание не укрылось от Нритты, и, повернувшись к девушке, та тихо сказала: «нет ничего дурного, чтобы взять еще. Пищи достаточно всегда. Не смущайся». Увидев, что еще пара-тройка девушек поднялись за добавкой, Римьяна пошла тоже. Среди поднявшихся были только в серых платьях. Это смутило Римьяну, однако она все же налила себе еще полтарелки похлебки и взяла пару кусков мягкого теплого серого хлеба.

После трапезы все унесли миски и ложки в большие кадучки, стоящие у противоположного выхода.

– С завтрашнего дня, – сказала Нритта, – ты начнешь работать с нами. – Но сегодня я отведу тебя помыться, и остаток дня ты проведешь в своей комнате. Завтра, до рассвета, я приду за тобой.

– Почему? – в первый раз за все время Римьяна смогла выдать из себя хоть слово.

Нритта мягко посмотрела на нее.

– Нужно, чтобы место к тебе привыкло, а ты к нему. Очень многое здесь нельзя объяснить словами. Пока не испытаешь. Постепенно понимание начнет приходить, и тогда можно будет разговаривать об этом. Но на данном этапе это просто бессмысленно. Поэтому пока постарайся принять вещи такими какие они есть.

– Но я должна... – ей нужно было задать столько вопросов, но главное найти брата, вернуться к нему, она должна была убедить эту женщину.

– Прошлой жизни у тебя больше нет, – прервала ее Нритта, не оставляя возможности возразить. – Скоро ты поймешь это, – слова прозвучали бесстрастно, но где-то едва различимо в голосе почудилась Римьяне нотка давней печали. Больше о прошлом с ней здесь никто не говорил.

И Нритта и Старшая Жрица изъяснялись на понятном ей языке, но Римьяна даже не обратила на это внимания.

Они молча спустились в подвальные помещения, где располагались бани. Нритта помогла девушке тщательно вымыться, используя какие-то травяные бальзамы. Потом облила ее из кадушки ледяной водой и, подождав пока та оботрется и оденется, снова отвела в келью, по дороге упомянув, чтобы девушка потихоньку начинала запоминать путь.

После этого Римьяна осталась одна. В стрельчатом окне играли лучи заходящего солнца и шкрябал голодными лапами ветер, но в комнату почему-то не влетал. И, несмотря на то, что окно никак не закрывалось, в келье было не особо холодно. Римьяна села на жесткую кровать под пологом. Некоторое время смотрела пустыми глазами на каменную стену напротив. А потом повалилась на тканое покрывало и в первый раз за все эти дни разразилась рыданием.

Ночь стояла очень тихая. Неслышно было ни привычных ее уху шорохов леса, ни завывания ветра. Даже шум моря сюда не долетал. Казалось, что когда затихли последние отблески солнца на облаках, звук вместе с миром погрузился во тьму.

Глава 6. Жрецы

– Скажи, ты ведь убил его? – спросил в один из вечеров соучастника по побегу Ригзури. Они уже несколько дней бродили по степям, стараясь удалиться от плантаций на безопасное расстояние и запутать возможные поиски.

Топорик только повернул грызуна на палочке-вертеле над маленьким костерком, запрятанном в ямке. А потом угрюмо сказал:

– Я бы и ее придушил, если бы она на пути попалась.

– Кого? – не сразу понял юноша.

– Дрянь эту расфуфыренную, которая нас купила, – и он крутанул добычу, хотя это было не нужно, – знаю я таких, как она – им принадлежат самые большие наделы земли в Государстве, и их голос звучит громче, чем других. А остальные либо прислуживают им за мелкую монету, либо вовсе...

– Но как это, я не понимаю... – сказал юноша, – в чем разница между нами, почему одних можно ловить, как зверей, в силоч, и сажать на цепь, а другие свободны?

– Ну, брат... Смотрю я, ты совсем ничего не знаешь. И откуда же вы такие сваливаетесь?.. Свободны... Никто здесь не свободен. А что касается рабов, ну официально – это преступники, например... Но вот тебе вопрос – кто, думаешь решает, что есть преступление и каково наказание за него? И почему одно и то же преступление носит разные имена, если его совершают люди из разных сословий?

В тот вечер Ригзури не все понял из слов друга. Но почувствовал, что места, куда занесла его судьба, нравятся ему все меньше, если это, конечно, вообще было возможным после всего приключившегося.

Прошло уже довольно много дней их скитаний, когда они, наконец, стали безбоязненно разводять костер, не зарывая его в яму и не туша сразу же после приготовления пищи. В тот вечер они зажарили несколько пойманных грызунов и, напившись воды из ручья, сели у огня, как у маленькой импровизации домашнего очага, которого оба были лишены.

– Расскажи мне про жрецов, – попросил Ригзури товарища по побегу.

Топорик поднял на него взгляд зеленых глаз. Странный цвет для глаз, думалось Ригзури, таких людей не бывало в Лесах, впрочем, практически ничего, с чем столкнулся теперь Ригзури, не видел он на своей родине. Не мог он понять и мотивации живших на Равнине людей, поступавших с собственными сородичами так жестоко. Были ли они вообще людьми?.. Но любой из этих вопросов затмевала сила боли и вины. За сестру...

Небо озаряли мириады ночных светил. Вокруг царил треск каких-то насекомых, негромко похрустывали сучья в костре. Ночь казалась безмятежной в своей летней теплоте и легкой свежести. Но ее очарование было словно разорвано вопросом юноши, как будто скрежетом перстня о стекло.

– Что ты хочешь знать о них? – вопросом ответил ему Топорик.

– Кто они такие? Отчего власть их в этих землях так велика? И зачем им... девушки, – закончил он уже тише.

– Жрецы... хм... – Топорик поерзал немного, усаживаясь. – Как это лучше объяснить... Я говорил, что они правят здесь – это не совсем верно. Они являются мощной силой и поэтому обладают властью. Сила их особенная. Говорят, на ней держится мир. Я этого не знаю. Однако любой, выросший в этих землях, вряд ли поставит силу жрецов под сомнение.

– Если они – жрецы, – сказал Ригзури задумчиво, – они должны кому-то приносить жертвы. Кому? И что?..

– Я не знаю, – пожал плечами Топорик.

– Но почему их так называют?

Топорик снова вздохнул, ему явно не нравилась тема, однако он понимал, как это важно для юноши, и старался отвечать. Но объяснить то, чего не знаешь, просто с этим всегда живешь, было очень сложно, особенно человеку из совсем иного мира. Раньше Топорик не встречал людей, не знавших о жрецах. Они были квинтэссенцией этой земли, но с ними особо не взаимодействовали простые люди, о жрецах знали мало, больше догадывались. Порой жрецы покупали дорогие товары для Монастыря, но даже их поставщики мало что могли сказать о своих покупателях в бурых и серых плащах. Как становились жрецами, никто не знал, не знали и откуда они приходили. Обычно их корабли появлялись со стороны холодных морей. Воды там были непредсказуемые и дикие, и другие мореходы туда не ходили. Что было там, кроме холодного и бушующего свинцового моря? Но говорили, именно там и находился Монастырь. Обитателей Монастыря знали еще меньше. Но по несчастливой случайности Топорику кое-что все-таки было известно. И, видимо, пришло время поведать об этих тяжелых воспоминаниях другу.

– Помнишь, я говорил тебе о своей матери, – начал бородач, проходя взглядом по лицу Ригзури и, видя его молчаливый кивок, опуская взгляд снова в костер.

– Никто толком не знает, зачем они забирают девушек и молодых женщин и по какому признаку их выбирают. Но я слышал, что существуют не только жрецы, а там, в холодных водах, куда они уходят, в Монастыре живут жрицы. Они не приходят обычно на материк, и неизвестно, что они делают. Однако раз в год жрецы приходят совсем на ином корабле, большем, и больше по числу. Они ничего не покупают. Они сопровождают нескольких персон в замок. Этот замок – принадлежит одному знатному вельможе из правящих. Я бы никогда, наверное, не знал обо всем этом, если бы не мой отец. Понятия не имею, как он изначально смог что-то выведать. Я тогда был еще совсем маленьким. Когда исчезла мать, мне было около трех лет. Год отец потратил на ее поиски. И каким-то образом он узнал об этой церемонии. Смог проследить, и найти возможность увязаться за ними.

Топорик перевел дух, встал и подошел к ручью, чтобы снова напиться. Ригзури ждал, боясь любым неверным словом или знаком спугнуть мгновение той важной для него откровенности друга.

– Он не рассказывал мне подробностей, да и я даже в более старшем возрасте не очень выпрашивал. Этой темы мы дома старались особо не касаться. Отец сказал мне тогда, что ему как-то удалось приблизиться к ним, когда процессия подошла к замку. Ров они преодолевали на лодках по трое. В одну из лодок зашли те двое, что были под сопровождением, и жрец. Отец настиг их в воде. Под плащами оказались две женщины. И одна из них была моя мать.

Топорик выдохнул и продолжил, стараясь быстрее расправиться с этой историей:

– Отец говорил, что, несмотря на внешнее сходство, это была словно иная женщина. Сопровождавший жрец даже не пытался отделаться от него, ни ударить веслом, отпугнув пловца от лодки. Возможно, он ждал приказаний. Но их не последовало. Отец назвал ее по имени, но та, что когда-то была его женой, посмотрела сквозь него, будто бы его никогда не было в ее жизни. Он оцепенел от увиденного. Вторая женщина кивнула слегка, и жрец продолжил грести. Отец с трудом выбрался на берег. Вернулся домой сам не свой. С тех пор с ним

стало непросто общаться. Он сделался нелюдим. Впрочем, хлеб это ему добывать не помешало. Он был отменным кузнецом.

- Когда ты виделся с ним в последний раз? – спросил Ригзури неожиданно для себя.
- Давно, – ответил Топорик, – я ушел из дома, когда мне было шестнадцать.

Глава 7. Дни по уставу

Остров, на котором стоял монастырь, находился удаленно, окруженный ледяными клочущими морскими водами. Здесь редко стояла спокойная погода. Черные волны перекатами неслись и разбивались о каменистые гребни островных отрогов. Это был небольшой скалистый участок суши посреди владений океана. Но, несмотря на непростые погодные условия, за стенами монастыря царил будто иной мир. Сюда не врывался холодный влажный ветер, а на грядках, возделываемых жрицами, росло все, что было необходимо для поддержания жизни в монастыре. Труд на земле являлся ежедневной обязанностью всех обитателей этих стен, вне зависимости от их ранга.

Расписание дня в монастыре было достаточно плотным. Вставали жрицы незадолго до рассвета. Утро проводили в упражнениях и созерцании своего внутреннего состояния и ума. Потом носили воду в резервуары, работали в саду. После завтрака часть жриц проводило время в библиотеке за обучением, часть продолжало работы в саду и огороде, потом они менялись. После обеда им предоставлялось несколько часов для отдыха или самостоятельного обучения. Эти часы Римьяна стала проводить за прогулками. Несмотря на то, что она находилась здесь еще совсем недолго, ее легко отпускали за стены монастыря.

К острову почти невозможно было причалить. Пристань располагалась в малозаметной с моря лощине между скал, но хорошо обозримой со стен монастыря. С этой нелегкой задачей справлялись лишь умелые монастырские мореходы на специальных кораблях, хорошо приспособленных для хождения в северных водах.

Во время одной из своих прогулок по обветренным скалам девушка зашла вглубь острова, где вдали от свирепых морских ветров, укрытых извилистым хребтом, поддерживая друг друга в мощи и великолепии, росли деревья. Римьяна сразу узнала эту гребневатую кору, трепет по краю волнистых листьев... Это были дубы! Да, те самые дубы, что росли на ее родине. Впервые за это время она увидела знакомые деревья.

После того, как девушка обнаружила эту небольшую дубраву, она стала каждый день приходить сюда. В любую погоду хотя бы ненадолго Римьяна старалась выпорхнуть из каменных стен и провести время среди казавшихся ей даже теплыми стволов исполинов. Она сидела под их кроной, обнимала жилистую шершавую кору.

Дни на острове тем временем становились холоднее и дождливее. Как и на ее родине, здесь имели место смены времен года. И солнце катилось к холодным дням. Но даже когда с неба сыпали колкие капли дождя, Римьяна, укрывшись плащом, уходила вечером в дубраву. Даже когда завывал ледяной ветер, срывая с ее родных деревьев желтеющие листья, девушка тихонько садилась под их сень, прижималась мокрой от дождя щекой к их шероховатой коре и закрывала глаза. В эти моменты она могла представить себя не здесь, на оторванном от всего мира острове, но, будто гуляя недалеко от дома, присела отдохнуть под сенью деревьев. Зов ветра возвращал ее в реальность, и слезы прокладывали влажные дорожки по ее щекам.

По вечерам жрицы садились читать толстые в мощных переплетах книги. В зале горели свечи и светильники. Девушки учили новые странные языки, которыми были написаны эти книги. И необычные вещи, изложенные там. Какие-то из них Римьяне казались знакомыми, благодаря рассказам, слышанным еще дома, но многое было новым. Здесь она узнавала, в том числе, о географии и истории мест, где оказалась.

Римьяна всегда хорошо ориентировалась в лесу, даже на большом расстоянии от деревни. Детей леса достаточно рано отпускали бродить одних, зная, что до границ Леса они все равно не доберутся, а Лес и все поселения в нем дружелюбны. Девушка легко определяла части света, знала, как добыть пищу, оставшись одной на несколько дней в лесу. Старшины деревень

немного рассказывали о тех землях, что лежат за пределами Леса, и о народах отделенных просветом Большой Равнины. Среди жителей лесов встречались и путешественники, которые уходили на годы, а вернувшись, рассказывали невероятные истории. Но раньше Римьяна не могла представить, как и где все то, о чем они говорили, располагалось в действительности. А здесь, в Монастыре, она познакомилась с картами, узнав, как можно отобразить гигантские пространства на небольших в сущности отрезках бумаги, ткани и выделанной кожи. Нритта объяснила новой послушнице, как читать их и разбираться в навигационных картах. Здесь было очень много изображений водных пространств и тонкими линиями нанесенных на них путей, по которым могли следовать корабли. Римьяна увидела, что ее родные леса простираются куда дальше на север, чем она предполагала, и чем кто-либо из ее знакомых мог заходить. Карты лесов не несли отметок деревень, а просто покрывали единым слоем пространство, зачастую совсем не размеченное. Видимо, тот, кто чертил их, не был хорошо знаком с этими землями. В противоположность Лесам, Равнина была достаточно подробно картирована, с точным нанесением всех поселений и крупных городов. В северных морях, куда лежал путь, через огибание западных берегов материка, отмечена была лишь одна точка суши – монастырский остров, в южных же, куда можно было добраться напрямую по морю от материка, в том числе от страшного портового города, где Римьяну разлучили с братом, лежал архипелаг и несколько отдаленных от него островов. Какие-то из них были столь малы, что отмечались практически точками. Обучение захватывало Римьяну, отвлекая ее от печальных мыслей.

Работа в саду и на огороде, которую выполняли все без исключения, даже Старшая Жрица, ничем в этом вопросе не выделяясь среди остальных, давала девушке возможность для раздумий. Но особенно тяжелыми бывали утренние и вечерние часы, когда все жрицы садились в общем зале и погружались внутрь себя. Часы проходили в молчании, и казалось, лишь воздух трепещет рядом с ними. Тогда Римьяна точно еще не знала, что они делали, сидя так неподвижно, а также какие практики жрицы выполняли в одиночку. Этого девушке пока не давали и не объясняли. Перед первым собранием в зале утром, после необычной разминки, которая, впрочем, Римьяне, привыкшей к активной жизни, давалась легко, Нритта подошла к ней и пояснила следующее.

– Пока просто садись поудобнее, можешь даже пока расположиться у стены. Отстройся, как на упражнениях, и для начала попробуй только наблюдать за процессом дыхания до мельчайших деталей. Опускайся вниманием в тело. Старайся улавливать движение жизни в теле, перемещению всех токов. Не волнуйся, если придут мысли, отвлекающие тебя. Заметив это, просто возвращайся к наблюдению.

И мысли приходили. Воспоминания. Мучения прошлых дней. Мысли о брате...

Порой Римьяне с трудом удавалось остаться на месте, чтобы с криком не выбежать из зала. Тяжелым было и вечернее время, когда девушка оказывалась одна в своей келье.

Старшая Жрица незаметно для девушки внимательно наблюдала за происходившим с ней, но никогда не вмешивалась. Что должно случиться – не минует: знала она.

Глава 8. Куда податься беглецу

Над степями возвышалась полная луна. Уже пол ее лика сменилось, пока они бродили по пространствам, где царствовали шакалы и вороны. Те терпеливо ждали, когда двое людей станут слабы и падут жертвами бескрайней степи, став кормом для ее обитателей.

– Надо все-таки решаться и пробираться к морю, – сказал в эту ночь Топорик, – нет нам другого пути. Здесь мы либо сами сдохнем, либо станем добычей каких-нибудь полоумных кочевников. Кто знает этот народ степей? А сами степи? Вряд ли нас сейчас активно ищут. Если сами не нарвемся, то и не поймают.

Ригзури не смотрел на друга, ему нечего было возразить, он не знал ни этих земель, ни людей, их населявших, но если его сестру забрали в то место, о котором рассказывал Топорик, то моря ему точно не миновать.

– Слушай. Я тебе не так и много рассказывал про мою жизнь. Но одно ты, наверное, уже уяснил, мне эти дела не в новинку... – Топорик подсыпал сухой травы в слабый огонек их костра.

Ригзури сдержанно кивнул, и бородач продолжал.

– Беглым рабам в этом мире не так много мест, куда податься. Однако я знаю таких ребят, которые тебе в зубы, как лошади, не смотрят. И лишних вопросов не задают. А ценят тебя честно, по твоему делу. Причем ценят золотой монетой. Я бывал с такими ребятами. Они лихие, но с теми, кто с ними честен, тоже честны. В свое время я немало лет провел в море среди их братии. И если бы обстоятельства не изменились, то возможно был бы там и сейчас.

– Или был бы пошел на корм морским рыбам... – добавил Ригзури, начиная понимать, к чему клонит его друг.

– Или так. Но все лучше, чем сдохнуть от кнута надсмотрщика! – парировал тот. И с усмешкой добавил: – ты спрашивал меня о свободе. На берегу ее точно нет.

– Хочешь сказать, что она есть среди разбойников? Не так ли ты впервые попал под кнут надсмотрщика?

– Слушай, выбор у тебя все равно небольшой. А ты как попал? Разбойники не всегда те, кого так называют... А тот, кто тебя и сестру твою на площадь отправил, в этих землях разбойником не зовется. Смотри, загадка какая... Так вот я не вижу зазорного, чтобы при случае подобной дряни и живот подпороть... Что глазами своими светлыми меня буравишь? Не поквитался бы с таким за сестру? Я вот поквитался так с одним... – он зло отвел глаза, а когда он снова посмотрел на юношу, во взгляде бородача было больше печали, – думал защитить, думал, семью заведем... Да что уж там. Не вышел из меня человек семейный, вышел – бродячий. Видать, так уж суждено – одним мельницу крутить – другим пыль месить.

Он замолчал. От грызуна на костре слегка пахло горелым. Они сняли добычу с палки и разделили.

– Хорошо, – сказал Ригзури после скромной трапезы, – к тому же... если ее увезли морем...

– Правильно. Думаешь, как найти сестру?

– Да, – сказал Ригзури, смотря, как догорает трава в костерке.

– Мы попробуем, – и Топорик положил ладонь на плечо другу, – Обещаю тебе.

Ригзури поднял на него глаза и слабо улыбнулся:

– Спасибо.

Наутро они выдвинулись обратно к побережью. Это было рискованно, так как здесь их могли заметить и опознать как беглых рабов. Но Топорик знал, что делал. Они пробирались к окраине портового города. Там в бедных кварталах можно было относительно безопасно завер-

боваться на полуофициальное судно, а с ним добраться до южных островов, где, как рассказывал Топорик, уже совсем другие законы. И там можно будет попасть и на пиратское судно.

Ригзури этот план казался достаточно иллюзорным, но поскольку иного он предложить не мог, то придерживался рекомендаций друга. Под покровом ночи они договорились с одним корабелем пойти на его судно матросами. Тот лишних вопросов не задавал, скорее всего, понимая ситуацию. И, возможно, именно поэтому он не собирался в дальнейшем платить им обещанную сумму, считая, что и так оказал им услугу, давая возможность уйти с материка. Вначале их отправили на погрузку. Когда же пузатое потрепанное судно простилось с берегом, им досталась самая тяжелая работа.

Как только они отчалили, Ригзури сразу вспомнил, почему с самого начала что-то внутри него сопротивлялось этому плану. С первой же качкой у него началась тяжелая морская болезнь. Но на этом судне матросам было не до слабостей. Либо работаешь, либо за борт. Топорик добыл какой-то едкий корень и давал ему жевать время от времени. Даже от маленького укуса у Ригзури крутило желудок, однако тошнота отступала. Неизвестно, к чему бы привело двух спутников это плавание. Возможно, вскоре кто-то из них за лишний взгляд или словцо попал соседу под нож, или просто бы помер от какой-нибудь болячки в грязном трюме, питаясь червивыми сухарями и гнилой водой. Но одному странному стечению обстоятельств предстояло изменить судьбу этого судна и его команды.

Корабль шел своим обычным курсом, везя незамысловатый груз с материка на ближайший из южных островов. Такие суденышки редко становились объектом внимания морских искателей удачи, да и так близко к Материковому Государству вольная братия не часто рисковала подходить. Однако погоня за знатно нагруженным торговцем привела двухмачтовый легкий пиратский корабль к матерiku куда ближе, чем капитан того судна планировал. К тому же корабль был слегка потрепан прошедшим ночью штормом. И настроение у капитана и его команды было скверное. Догнать казавшуюся такой уже доступной добычу не представлялось возможным. Торговцу посчастливилось ускользнуть от них под прикрытием грозовых облаков и шквального ветра. Пора было поворачивать в более безопасные воды да с пустыми руками.

Как раз когда капитан размышлял об этом досадном обстоятельстве, ему донесли, что замечены туго натянутые паруса идущего на попутном ветре суденышка. Это было хоть и слабое утешение, но все же что-то. Капитан сразу скомандовал переложить галс и выйти наперез добыче. Несмотря на то, что пиратам пришлось идти почти в бейдевинде³, корабль, обладавший хорошим парусным вооружением и быстроходностью, стал неумолимо приближаться. Этот маневр не остался незамеченным на стареньком судне. Там спешно поднимали все дополнительные паруса. Но еще до того, как они успели развить хорошую скорость, прозвучал первый залп, снесший часть левого фальшборта, следующий же залп обрушил на матросов обломки рей, и опасный треск возвестил о скором падении грот-мачты.

На судне, где оказались двое беглых, шли далеко не военные, и отнюдь не смельчаки. Поэтому сразу после абордажа они сдались. Все ценное содержимое было быстро перегружено на пиратское судно, а команде отдана шлюпка и бочка воды. Дальнейшая судьба этих людей пиратам была не важна. Покореженный и лишенный большей части рангоута бриг так же не привлек интереса предводителя пиратов и подлежал затоплению.

Уже перед уходом с завоеванного судна произошло странное событие, заинтересовавшее капитана. Из толпы угрюмых грязных моряков, готовящихся к спуску в шлюпку, вышли двое. Они отличались горделивой и твердой походкой. Это привлекло внимание капитана, и он сделал движение рукой преградившим им путь пиратам. С будто бы равнодушным видом миновав пиратов, двое оборванцев напрямик двинулись к капитану. Эта дерзость вызвала усмешку на

³ Курс корабля, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна составляет острый угол.

лицах нескольких морских бродяг и легкое недовольство на лицах других, но по распоряжению капитана никто не препятствовал.

Один из них был невысокий загорелый коренастый мужчина в потертых штанах из мешковины и драной рубахе. Рыжая борода скрывала часть его загорелого и обветренного лица, а волосы были заплетены в засаленную косицу. Мужчина слегка прихрамывал, но шел бодро. Рядом с ним, чуть бледнее, но тоже загорелый, шел белобрысый юноша. Он смотрел прямо и твердо на капитана глазами цвета штормового моря. Двигался легко и грациозно, словно лесной кот.

– Это что еще за выступление?! – воскликнул капитан пиратского судна. Среднего возраста крепкий мужчина, закаленный в морях и сражениях, он грозно, но в душе с одобрением, смотрел на подошедших.

Рыжебородый мужичок заговорил первым:

– Мы хотим присоединиться к братству! – без лишних предисловий заявил он, – я и мой друг – опытные моряки. Надо будет – хоть с морским змеем сладим!

Капитан только хмыкнул. Члены команды, что были неподалеку, гулко расхохотались.

– Раз вы такие смельчаки, – сказал капитан, – то как окончили свой путь на этой посудине?

– А ты что, всегда на этой красотке что ли плавал? – не смущаясь, ответил коренастый. – Я-то гляжу, теперь на южных островах верфи никак появились!

Капитан хмыкнул еще раз, но уже одобрительней.

– Ладно, полезайте на борт, посмотрим, на что годитесь. Но если вы окажетесь не теми, за кого выдаете себя, живо на корм рыбам отправитесь!

Глава 9. Инициация

Девушка лежала на кровати не двигаясь, мерно дыша, и только открытые глаза, взгляд которых утопал в закатном сиянии, выдавали в ней бодрствующую.

Взгляд ее хоть и был прикован к неспешному течению облаков за окном, уносил вовсе не к мирному дыханию природы на закате дня, а совсем к иному закату, где два молодых всадника гнали во всю прыть своих коней по склону. Впереди лежал лес. Толстые стволы, казалось, сплетались на самых приступах к зеленой массе листвы и ветвей, но сквозь эти дебри проглядывала дорога.

Ветер хлестал по разгоряченным лицам всадников.

– Тебе меня не обогнать! – Крикнула девушка и рванула всем телом, будто бы желая своей внутренней энергией слиться с конем и ветром.

Как хорошо помнила она этот момент... Лицо брата в потоках ветра его волос, выбившихся из косы, грозно сопящего под ним коня... как они остановись у самой кромки леса, и влажный воздух прелой листвы и почвы заполнил их ноздри, охлаждая капли пота, выступившие на телах. И как явственно помнила она цвета закатного неба, сиреневый сумрак, наполняющий мрак леса...

Они только успели достигнуть поселения в тот день.

Девушка на кровати на мгновение прикрыла глаза. Теперь к ней пришла иная картина. На алой от солнечных лучей поверхности век она видела всполохи мечей, искаженные сражением лица...

Она не хотела уходить, хоть брат и кричал ей. Она видела его окруженным, но не могла пробиться к нему. Ничего больше перед собой не замечая, кроме его исчезающей под ударами фигуры, она отбивала клинком подходящих, кричала, но не слышала ни своего голоса, ни криков дерущихся, ни лязга мечей... как будто под водой, в этой гулкой тишине она двигалась к нему... или пыталась двигаться. Потом брат упал. И она его больше не видела. Больше никогда...

Он приходил к ней лишь во снах, странных полуреалистичных снах, как теперь, или воспоминаниях.

В дверь постучали. Римьяна села на кровати и устремила до того отсутствующий взгляд на вошедшую. Крепко сложенная, как нестигаемое ветром дерево, на пороге стояла женщина в бурых одеждах.

– Сестра Мелисса, Вас ждут в библиотеке, – на местном языке Мелиссой называли потерянную. Но Римьяна еще помнила, как ее зовут.

Они спустились по узкой каменной лестнице до одного из темных коридоров, переплетавшихся, как кишки, в утробе монастыря. Это мощное здание могло бы служить непобедимой военной цитаделью. И возможно, именно поэтому на него никогда не покушались, а может быть, все дело было в живущих в нем женщинах. Со жрицами даже правитель и разбойник обходился бы, по меньшей мере, настороженно.

Названная Мелиссой шла немного позади от жрицы. Обе весь путь хранили молчание. Жрица шла быстрым уверенным, но не широким, шагом, длинные одеяния ее спадали почти до самых каменных плит, по которым она ступала. Мелисса смотрела пристально ей в спину. Она пыталась отогнать на задворки памяти видения прошлого. Сейчас это было бессмысленно – все эти воспоминания и сны, что они теперь могли значить? Она здесь, а внешний мир навсегда потерян для нее, как потерян брат. Ничто больше ее там не держит, впрочем, и здесь.

Они подошли к высоким деревянным створкам дверей. Жрица постучала, распахнула двери и, впусив внутрь следовавшую за ней, с поклоном закрыла их. Римьяна не раз бывала в

этом помещении с высокими потолками, стенами, устланными книжными полками. Зал наполнял запах тысяч сгоревших свечей. В глубине, у стола в окружении ореола зажженных светильников, в кресле сидела Старшая Жрица.

Женщина сделала легкий жест рукой, и девушка подошла и села рядом. На самом деле Жрица была в летах, но совсем немногие морщины поселились на ее лице. Оно хранило суровость, отстраненность, но в то же время в его чертах, а может, взгляде было что-то проникающее, заставляющее смотреть на нее неотрывно.

– Ты уже три луны живешь среди нас, – сказала она. – Пришло время тебе решать.

Пришло время определить ее судьбу – остаться простой послушницей на последующий год, спокойно исполнять ежедневные труды, прислуживать на простых церемониях и потихоньку учиться, оставаясь не связанной обетом, или принять первый круг служения. Она прекрасно знала, какого выбора от нее ждет Жрица. Та видела в девушке сильную и умную женщину, способную достичь многого. Если она выберет второе, то начнется серьезная учеба и погружение в суть их жреческого пути, а не простое повторение ритуалов, как в случае послушницы. Но такой выбор должен был осуществляться осознанно. А той, что называли Мелиссой, было все равно.

Девушка молчала.

– Ты никогда не рассказывала мне, как попала на невольничий рынок. Я же не стану расспрашивать тебя об этом. Но скажу вот что: как бы ни была велика твоя боль, и она когда-нибудь пройдет. Ты молода и сильна, и жизнь твоя продолжается. Однако, если ты дашь себе утонуть в прошлом, это равносильно тому, что жизнь твоя закончилась тогда, еще до нашей с тобой встречи. Как жрице Ордена Единства Стихий, мне доподлинно известно, что никакое событие не случайно. И если наша встреча состоялась, то ни для тебя, ни для меня она не пуста. Поверь, я бы не стала тратить время на пустое.

Жрица смотрела прямо в глаза молодой девушке. Она видела в этих глазах цвета грозового неба твердость и намеренье. Этот взгляд ей был так знаком.

Однако девушка не собиралась отвечать ей согласием. Слова проносились мимо, как вихорьки на реке. Эта река уносила ее все дальше и дальше...

Уже вечером после ритуала зажжения ночного огня, Римьяна с облегчением удалилась в свою келью, подошла к окну, вдыхая влажно-леденящий воздух, налитанный шелестами и криками ночных созданий, и повалилась на колени, упершись лбом в холод каменной стены.

За окном через сумрак вечеряющего неба прорвался холодный осенний дождь. Мелкие, не частые пока, капли взбрызнули каменную поверхность перед окном. Римьяна подняла голову. Некоторое время она глядывалась куда-то вдаль, а потом быстро накинула плащ и тихонько вышла из комнаты.

На ночь двери Монастыря запирали. Однако Римьяна знала обходной путь, через калитку в скалах. Иногда некоторые жрицы ночью покидали стены монастыря. Об этом Римьяна узнала, увидев однажды, как это делала одна девушка, недавно сменившая серый плащ на буровато-коричневый. Та объяснила, что это нужно для каких-то ритуалов, которые для Римьяны пока все равно не актуальны. Но девушка запомнила, где находилась потайная калитка.

Теперь тихо добравшись до места, она надеялась найти ее незапертой. Маленькая дверка под лестницей подчинилась девушке, и никем не замеченная, молодая послушница покинула стены Монастыря.

Внутри нее крутился клубок чувств. Горечь от потери брата, дома, семьи. Отчаянье и боль, притушенные на время, сейчас вздыбились новой волной. Все казалось абсолютно беспроектным. Она бежала по знакомой тропе к сердцу острова. Надеясь, что обняв родные дубы, она сможет хоть немного приглушить бушевавшую агонию сердца. Но оказавшись там, она почувствовала лишь усиление этого кошмара. Касаясь коры деревьев, она почти воочию наблюдала призраков прошлого. Уходили во тьму небытия тени ее родных, таяла в ледяном

ветре ее деревня, и последним, растворяясь во мраке, застилавшем сознание, вспыхнул и исчез образ ее брата – его серо-голубые глаза, ласково смотрящие на нее, стали невероятно далеки, пока не пропали совсем. В глазах Римьяны на мгновение потемнело, и она упала на колени перед мощным узловатым стволом. Дождь усиливался. Грязь, размываемая его потоками, пропитала одеяние девушки. Но ей было все равно. Ее глаза затуманили слезы, и клокотали в груди рыдания. Вдруг она поднялась. Безумным взглядом своих некогда лучистых глаз обвела деревья вокруг себя и бросилась прочь через дубраву. Спотыкаясь о валуны и корни, мчалась она к другой оконечности острова. Не замечая падений, разорванного на коленях платья, ссадин и крови на ладонях и исцарапанном лице, она бежала что было сил. Отрывистое дыхание вырывалось паром из ее губ.

Выскочив на открытое пространство, она замерла. Впереди до самого серого горизонта простиралось бескрайнее море. Свинцовые воды мерно катили гребенчатые волны. Внизу, у самых ее ног, обрывались скалы. Торчали зубья валунов, захлестываемых морским владыкой. Беспощадный ветер хлестал ее рассыпавшиеся и промокшие волосы по щекам и обливал ледяным дождем.

Тогда Римьяна набрала полную грудь воздуха и закричала. Этот крик мало походил на человеческий. Это был рев, вырвавшийся из самого ее сердца, и слившийся с ревом волн. Он клокотал на их гребнях и разбивался вместе с ними о скалы. Потом девушка раскинула в стороны руки, вся вытянулась, прогнув слегка спину, будто пытаясь улететь, и поднялась на самом краю обрыва на носочки. Она прикрыла глаза, какое-то время балансируя так. Как будто почувствовав что-то, усилился ветер и теперь напрямую бил девушку в лицо. Мокрые волосы развевались в стороны, как и разодранное одеяние.

Перед закрытыми глазами Римьяны вдруг разлилась вспышка теплого света, будто луч уже зашедшего солнца пронзил поверхность грозовых туч и ударил прямо в нее. Это продолжалось несколько мгновений. Она не почувствовала, как ее тело сместилось еще немного вперед. Этого изменения хватило для нарушения равновесия и чтобы и так маленькая опора ее пальцев перестала быть ею. Всего миг, и хрустнули кости, встретившись с камнями побережья, и мир померк.

Ледяные волны и дикая боль заполняли все ее существо. Искалеченное тело лежало внизу, под обрывом, среди камней, куда время от времени долетала соленая вода.

Все частицы ее жизни были заполнены болью. Потом по всему телу пошел сильнейший жар, как при лихорадке, и последние капли сознания покинули его.

Вместо сознания пришло нечто иное. Все существо ее будто залило солнце. Оно говорило с ней. Оно спрашивало ее. «Кто ты?»

Но девушка не могла отвечать. Сознание ее полностью растворялось в этих вопросах. Римьяны больше не было. Ее на самом деле никогда не было. А был лишь этот безграничный свет. Или это была безграничная тьма?

Все пространство то заполнял нестерпимый ужас, сжимавший все до одной лишь точки. То расширявшееся и заполнявшее все светом чувство безграничной любви.

Внутри нее булькали, как пузырьки, отдельные части чего-то, что раньше она считала своим. А сейчас это было не больше чем осенние сухие листья, гонимые ветром. Ее как будто разобрали на тысячи мелких составляющих, ее мыслей, желаний, страданий, суждений... И ничего из этого ей не принадлежало. Но кому это *ей*?

Не было ни того, кто мог задать этот вопрос, ни того, кто мог ответить на него, ни того, кто бы мог услышать этот диалог. Не было ничего. И было абсолютно все. *Все? Что?..*

Жар охватил ее тело. Огонь разливался по нему. Ледяная вода заполняла ее жилы, лед сковывал ее сердце. И оно перестало биться.

Дождь превратился в снежинки. Они кружили над распластанным на камнях телом и не таяли на нем.

В монастыре не сразу заметили исчезновение послушницы. Странная тревога и дрожь вдруг пришла в тело Старшей Жрицы, когда она читала в своей келье. Через мгновение женщина поднялась и прислушалась, полностью погрузившись в свои ощущения. И тут же послала за Нриттой. Та напрямик отправилась в комнату к сестре Мелиссе, и сразу сообщила Жрице об исчезновении девушки. Все старшие и сильные жрицы были подняты на ноги. Они достаточно быстро почувствовали месторасположение умирающего тела.

Когда удалось добраться до обрыва и с помощью веревок спуститься вниз, им открылась страшная картина. На камнях лежало изуродованное женское тело в обрывках окровавленных одеяний. Руки, неестественно вывернутые, походили на переломанные крылья хищной птицы. Глаза, широко распахнутые, с расширенными зрачками, словно совиные, с замершим взглядом, направленным в небо.

Старшая Жрица подала знак остальным отойти, после чего опустилась на колени подле девушки. Женщина положила теплую ладонь ей на грудь и закрыла глаза. Мысленно погружаясь внутрь грудной клетки, Жрица почувствовала еще теплую сердечную мышцу, сведенную спазмом холода. Она не отрывала ладони от тела девушки, наполняя его теплом. Мышца отчаянно дернулась, вытолкнув волну крови. Та быстро побежала по окоченевающим сосудам. Снова сжалось и толкнуло... И еще...

Девушку очень бережно перенесли в монастырь. Всю ночь Жрица провела подле нее, не отрывая горячих ладоней от тела девушки. Но даже Старшая Жрица не была всемогущей, чтобы излечить такие раны.

Всю ночь бушевала стихия. Вьюга вперемешку с дождем металась по всему острову, как будто желая сорвать все живое и неживое с его поверхности.

Тепло и свет заполняли все. Абсолютно все. Ничего не существовало, кроме Него. Кроме *кого?*.. Пространство видоизменялось. Возвращалось чувство тела, воздуха, его прикосновения к коже, одежде со спекшейся кровью... Свет лился из окна прямо на лицо. Подле кровати, полусидя на полу, положив голову на край кровати, спала верховная Жрица.

Эта ночь стоила той большой борьбы. Но она осознанно пошла на нее, она знала, что не нарушает сейчас Закона. И не возвращает ничего из того, что должно было уйти. Жизнь не уходила из тела целиком. Но заставить снова функционировать почти умершее тело было задачей не из легких, даже для нее. Теперь уже тело девушки само восстанавливало силы.

Сознание полностью пока не вернулось к Римьяне – лишь первые смутные ощущения телесности. Но свет остался в ней. Впрочем, он там был всегда. Теперь же осталась и память о нем.

Глава 10. На «Аурелии»

Первое время Ригзури никак не мог привыкнуть к ритму судна – поднятию тяжелых парусов, переброске стакселей, когда на повороте стоило немного помедлить, и ветер уже рвал из рук канат, надувая парус с другой стороны. Здесь все решала слаженная работа. Каждый должен был четко знать, по какой команде где оказываться, и с какими снастями работать. Порой юноша не успевал отдышаться, как галс переключивали снова. Они часто шли зигзагами, маневрируя вдоль береговой линии островов. Именно так вероятнее всего можно было подцепить хорошую добычу.

Ригзури приходилось труднее других, ведь он ничего не смыслил в принципах движения парусного судна, ибо за канатами не видно всего маневра. Но однажды Топорик нарисовал на палубе пальцем вымышленный круг и объяснил внутри него позицию ветров, а ладонью, изображая движение корабля, – принцип основных маневров. В свободные моменты Ригзури приглядывался к такелажу, пытаясь самостоятельно разобраться, куда идут какие снасти и что они перемещают или поддерживают. Дело пошло на лад, когда его впервые отправили на мачту. Высоты он не боялся и искусно взлетел вверх. Словно дикое лесное животное, юноша карабкался по снастям. Взлетая бесстрашно на самый топ, он вглядывался вдаль ястребиным взором и сразу оповещал о появлении ничего пока не подозревающего корабля.

Капитан корабля, носившего имя «Аурелия», был человеком проницательным и имел немалый опыт пиратской жизни. Он обладал чутьем и мог определить, когда риск был оправдан, а когда нет. Хорошо зная лоцию торговых путей, он пользовался потаенными бухтами островов, чтобы появляться перед противником незамеченным. И предпочитал не искать добычи далеко в открытом море. Слишком велика была вероятность оказаться сраженным непогодой, а не пушками противника. Капитаны торговых судов, впрочем, тоже понимали это. Поэтому, выбирая из двух зол, чаще все же выбирали идти не слишком далеко от берегов, надеясь проскочить опасные участки и как можно быстрее оказаться под защитой орудий торговых портов. Однако быстротой и маневренностью торговые суда и не отличались. Пытаясь создать судно как можно вместительнее для перевозки товаров, приходилось в силу конструкции, а потом и веса, жертвовать скоростью. Пузатые и неповоротливые парусники оснащали обильно прямыми парусами, стакселями меж мачт, и даже ставили вспомогательную мачту на бушприт. Но и это зачастую не помогало им сбежать от вертких и маневренных, как правило, некрупных пиратских кораблей. Так и корабль, на котором оказался Ригзури, был невелик и притом почти полностью оснащен косыми парусами, что придавало ему маневренности и возможности использовать даже несильный или почти противоположный ходу корабля ветер. Однако в силу этой же конструкции судна капитан «Аурелии» не стремился встречаться с крупными кораблями в открытом море.

На борту находились орудия, о существовании которых Ригзури раньше не подозревал. В лесах, где он жил, оружием дальнего боя, впрочем, на его памяти используемым только на охоте, был лишь лук. Здесь же стояли крупные металлические орудия, стрелявшие тяжелыми шарами и с помощью огня. В крепости портового города, где его продали в рабство, тоже находились подобные. Но Ригзури там не был и тем более не видел их в действии. Однако вскоре ему представился такой случай, но уже находясь на нападавшем, а не атакуемом, корабле.

Запал первого же сражения захватил юношу. Кровь неслась по жилам, как горный поток. Он почти смеялся, когда сталь лязгала в соприкосновении его сабли с саблей противника. В какие-то моменты жизни на корабле Ригзури вдруг забывал про все, ловко взбираясь по вантам, как дикий зверь. Его больше не пугала ни качающаяся палуба, ни бескрайнее водное пространство вокруг. Снасти и рангоут стали его деревьями. Щebet птиц лесных сменили крики

морских и шум волн. Бег корабля, скрип снастей, столкновение судна борт о борт и свист абордажных крючьев! Это забирало его боль. Это давало отдых, хоть на время, от гнета вины и мук потери. Внутри него пробуждалось дикое необузданное ощущение свободы. Впоследствии оно даже пугало юношу – так мало контроля было в этом чувстве, оно пробивало, словно паводок, бобровую плотину, и несло щепки далеко-далеко. Морское необъятное пространство, бесчувственное, безжалостное к человеческой жизни, унесшее его сестру, сейчас дарило ему ощущение свободы, которой он не знал раньше, даже в близких его сердцу дремучих лесах его родины.

Капитан «Аурелии» быстро заметил белобрысого юношу, поначалу выглядевшего несмышленишкой, однако вскоре показавшего расторопность на корабле и отличившегося ловкостью и яростью в первом же из морских сражений. Другой подобранный ими мужчина обладал умениями не только справно воевать, но и превосходного шкипера. Капитан подозревал в молчаливом бородатом мужичке бывшего пирата. Тот не зря носил свое прозвище, искусно орудуя топором в ближнем бою. Также бородач великолепно ориентировался по звездам и разбирался в маневрах. Теперь те, кто поначалу казались капитану незначительным прибавлением к команде, зарекомендовали себя как ценное приобретение для его судна.

И чтобы заручиться их желанием продлить свое пребывание на корабле, после первого же боя Капитан велел выдать им хорошую награду из вырученного с торгового толстяка-суденышки. Добрый шкипер и дерзкий в бою и на снастях мальчишка, к тому же обладавший орлиным зрением, были в цене для пиратского судна.

До Южных островов бывшим беглецам предстояло добраться уже как часть команды и братства. Но Ригзури еще мало представлял себе, какую жизнь это сулило ему.

– Для новичка ты неплохо держишься, – сказал ему во время одной из вахт Капитан.

Ригзури вначале хотел возмутиться, но потом понял, что бесполезно покрывать очевидное. Он молча кивнул в ответ.

– И для беглого раба слишком уж... – хмыкнул капитан, – как тебя занесло в такую жизнь?

Ригзури продолжал наблюдать горизонт. Ему пока не было ясно, насколько стоит быть откровенным с этим человеком.

Капитан погладил свою темную бородку.

– Ну что ж. Не хочешь, не отвечай. Что мне за дело до твоего прошлого, в конце концов? – и он ухмыльнулся. – Учти, братством мы неспроста называемся. Сюда не от слишком хорошей жизни попадают. Но даже у воров и убийц есть свой кодекс чести. Если так, конечно, можно сказать в нашем случае.

Ригзури повернулся к нему. С морщинистого обветренного лица на него смотрели озорные мальчишеские глаза. Глаза о многом могли сказать Ригзури. И потому Капитан вводил его в недоумение. Как у человека, за которым, наверняка, стоит немало мертвецов, может быть такой юный взгляд? До этого момента Ригзури посчастливилось не стать убийцей. В своем первом сражении он дрался неистово и отважно, но старался лишь обезвредить противника, а не убить. В Восточных Лесах убийство человека считалось тяжелым преступлением против собственной природы. Их земли были обширными, и деревьям хватало места и пищи, так что в войнах не было надобности. Однако здесь на Равнине и в море, по-видимому, дела обстояли иначе.

Ригзури продолжил некоторое время удерживать взгляд Капитана, подробнее вглядываясь в него.

Как будто читая мысли, тот сказал:

– И что же ты хочешь увидеть, малец? всю мою жизнь в одном взгляде?

– Вряд ли хотел бы, если бы даже и мог, – грустно ответил Ригзури. – Я мало знал об этих местах до того как попал сюда, но чем дальше, тем больше я сожалею о полученном знании. На моей родине люди взаимодействуют иначе.

– Видно, там живут какие-то иные существа! – хмыкнул Капитан, – я столько разных людей за жизнь повидал, и все они в целом мало отличались друг от друга. Как же ты попал сюда к нам?

– Не по своей воле... – ответил Ригзури.

– Почему не вернешься тогда?

– Не могу. Есть то, что я должен сделать. И без этого вернуться я не могу, а может, и вовсе...

– Но ты не планируешь надолго задержаться среди нашей братии?

– Напротив. Для того, что я должен сделать, мне нужно не только не оставлять вашу науку, а совершенствоваться в ней.

– Вот и славно! – Капитан похлопал юношу по плечу и отправился в каюту.

Ригзури остался на посту. Этот разговор заставил его задуматься. Как получилось так, что люди лесов почти не пересекались с остальными? Ведь вот он на деревянном корабле. Откуда бралось это дерево? Значит, люди равнин где-то рубили леса и скорее всего взаимодействовали с их жителями, но в своих лесах он такого не встречал. Возможно, их родичи, к которым они тогда держали с сестрой путь, жили иначе?

Глава 11. Жрица Мелисса

На остров спускалась зима. Дожди сменились мелкими колкими снежинками. Лужи покрыла ломкая корка льда. Близость моря и ветра не давала снежинкам собраться в мягкие белые подушки, как в лесах на материке, где выросла Римьяна. Однако в дубовой роще и кое-где между кривыми деревьями скапливались белые прогалины зимы. Холодный ветер перестал так активно свирепствовать, как в конце осени, но был все столь же холоден и недружелюбен. Казалось, именно он и являлся истинным хозяином Острова. Завывая у монастырских окон, он будто старый волк облизывал зубы, говоря: «я был тут до вас, и буду, когда вас тут не будет». На территорию монастыря вход ему был закрыт, и потому оставалось только скалиться, бродя вдоль стрельчатых башенных окон.

За одним из таких окон, на невысокой кровати под пологом лежала юная девушка. Она почти не могла двигаться и только слушала, как за окном ноет старый волк – ветер, и смотрела на призрачные обрывки серых облаков, которые он гоняет по небу – все, что она могла углядеть в стрельчатом проеме окна. От каждой попытки двинуться тело пронзительно ныло, и боль прожигала его. Однако через эту боль она была способна чувствовать конечности, что было немаловажно. Травмы, которые молодая послушница получила при падении, были очень серьезны. И даже Старшая Жрица не могла пока сказать, восстановится ли девушка полностью.

Но Римьяна не испытывала страха. Возможно, сознание не до конца вернулось к ней, и она не понимала, что с ней в действительности произошло. Из этого состояния она иногда выныривала в бодрствование, где существовал лишь клочок неба в стрельчатом окне и боль. Но чаще Римьяна спускалась на иные уровни существования, пытаясь приблизиться к тому свету, что заполнял ее перед приближавшейся смертью. Она растекалась мягким теплом внутри своего тела, проходя изломы и трещины, заполняя их и все тело светом. Единственным ритмом, который она осознавала, было ее дыхание, но и оно порой исчезало, оставляя девушку в полной тишине.

В бодрствующем состоянии она почти не принимала пищи и пила лишь немного воды. Неизвестно, что поддерживало в ней жизнь это долгое зимнее время. Однако ближе к началу весны, приход которой на северном острове достаточно долго можно было счесть незамеченным, девушка вдруг подала более активные признаки жизни. Ранним утром, когда Нритта пришла проведать послушницу, она нашла ее сидящей на кровати. И, не успев подойти, Нритта увидела, как та, что в конце осени лежала изломанная и искалеченная внизу обрыва, поднялась на ноги. Девушка ступила несколько шагов, но тут колени ее подломились, и она рухнула в объятия подбежавшей сестры. Нритта удержала ее и хотела помочь добраться до кровати. Но Римьяна лишь отрицательно покачала головой и, опершись на жрицу, снова выпрямилась и с трудом, но решительно двинулась к двери.

Девушка выглядела ослабшей. Многие мышцы подверглись атрофическим процессам вследствие долгого бездействия. Однако она совсем не казалась сломанной, и на человека, получившего травму позвоночника, никак не походила. Многие раны за это время затянулись, оставив лишь слабые рубцы.

Жрицам Ордена было известно искусство врачевания и самоврачевания, но Римьяна была еще новичком в подобного рода вещах. Да и мало кто из опытных жриц смог бы быстро восстановиться после столь серьезных травм.

До катастрофы Римьяна находилась на том этапе обучения, когда еще мало что объясняли. Послушницы просто проходили положенные ритуалы и практики и изучали писания. Жрицы считали, что многое не имеет смысла объяснять, пока нет соответствующего опыта. И для начала необходимо наработать его регулярной практикой и получить общие знания. Тот

же опыт, который Римьяна обрела на раннем этапе, для Старшей Жрицы свидетельствовал о готовности девушки двигаться дальше.

Нритта вошла в просторную комнату, уставленную книжными стеллажами. Подле одного из них рядом с окном стояла Старшая Жрица. Ее силуэт в темном одеянии слегка терялся на фоне высокого узкого окна, за которым сгустились сумерки. Рядом с этой миниатюрной женщиной Нритта казалась еще более крупной и рослой. У нее было смуглое лицо, крепкие руки, привыкшие к работе в саду, и спокойный взгляд. Старшая Жрица повернулась к ней, внимательно изучая ее лицо совиным взглядом. Казалось, в этих желтоватых с прожилками глазах отражался огонь всех светильников, хотя сейчас в комнате горел лишь один. Они напоминали янтарь, который мог снова стать смолой при любом удобном случае. Тихая и спокойная, как давно потухший вулкан, она хранила в себе незастывшую лаву. И эта мощь чувствовалась, так что ее хрупкое телосложение не могло обмануть присутствующих рядом с ней.

Но Нритта и так знала, на что способна стоящая перед ней. Она знала жрицу с тех времен, когда та еще не занимала высокого поста. Она знала ее с тех времен, как сама юной послушницей прибыла в монастырь, а молодая жрица сестра Наття присматривала за ней, как она сейчас присматривала за сестрой Мелиссой.

– Значит, она поднялась с постели, – было не совсем ясно по тону, спрашивала ли Старшая Жрица или вопрошала. Нритта кивнула.

– Она провела полдня в саду. Ходила, даже немного помогала. Пила воду и немного ела уже.

– Хорошо.

Жрица снова перевела взгляд за окно. Смотря во мрак ночи, она прислушивалась к ощущениям.

– Да. Тогда начнем сегодня, – сказала она будто бы себе.

Нритта немного колебалась. Ей казалось, что нужно чуть больше времени, прежде чем ее подопечной стоит двигаться дальше. Но вслух она лишь спросила:

– Мне привести ее?

Старшая Жрица обернулась и снова внимательно посмотрела на сестру. Она видела ее колебания, вызванные чувством, близким к материнскому. Но Старшей Жрице нельзя было располагать подобной роскошью, как жалость.

– Да, – кивнула она.

Нритта слегка приклонила голову и удалилась. Бывшая сестра Наття, а ныне Старшая Жрица, подошла к столу и зажгла свечи, а потом принесла из другого конца зала еще один стул. Предстояла длинная беседа.

Легкий стук в дверь предвещал появление жрицы и послушницы. Римьяна слегка опиралась на руку сестры Нритты, пока они поднимались по лестнице, но когда они вошли в комнату, девушка отпустила ее и самостоятельно пошла к Жрице.

Глава 12. Южный Архипелаг

Ригзури стоял у штурвала. Он любил ночные вахты. И хотя Капитан старался избегать ночных переходов, в этот раз он сделал исключение, поскольку ему стали известны планы одного богатого купца с материка, и пиратам следовало поспешить, чтобы воспользоваться привилегией этого знания. На недавно захваченном корабле нашли письмо к поверенным на остров Матуа, один из наиболее далеких островов Южного Архипелага. Этот остров славился своими экзотическими растениями, приносившими столь ароматные плоды и семена, что вся знать материка была готова платить немалые деньги за них. Капитан планировал захватить судно уже идущим с Матуа. И он подгонял команду, поднять все паруса, чтобы перехватить корабль на наиболее благоприятном для пиратов участке. Если же торговец минует его раньше, то это увеличит риски при захвате судна. Приобретенные таким образом ценности Капитан «Аурелии», как правило, продавал главе одного из благосклонных к пиратству островов. Такая сделка была обоюдно выгодной. Пирату не представлялось возможным торговать награбленными товарами на официальных рынках материка, где за них можно было бы назначить максимальную цену. Глава же «дружественного» острова, хотя и предлагал более скромную плату, но, тем не менее, так же весьма неплохую. Сам же покупатель обладал дальнейшими путями реализации награбленного, под видом перекупленного добра.

Ригзури поднял взгляд на бескрайние черные просторы небесного Океана, наполненные мириадами причудливых светящихся существ. В Лесах он никогда не видел так много звезд и так близко... Впервые небо «обрушилось» на него своим простором и глубиной, когда они скитались с Топориком по степи Равнины. Тогда двое затерянных человеческих существ, беглецов, без края и дома, – они были свободны. Казалось, сами небеса разверзлись над ними в своем сиянии, чтобы дать им веру в это. Да, это было лишь начало их бегства. И даже теперь, кто знает, что им уготовано? Быть может, смерть, пленение и новые пытки поджидают их... Любой шторм может разбить судно и пустить на корм морским существам всю команду... Но почему-то еще тогда в воздухе, наполненном диковинными ароматами степных трав, Ригзури чувствовал это таинственное расширение себя до просторов необъятности небесного свода. Эти звезды и теперь поглощали его. Возможно не было и никакого корабля, людей на нем, грузов и абордажей... А были лишь эти два Океана снизу и сверху, соединившиеся в один через соломинку его тела.

Он отводил взгляд от небесного океана, сверяя курс. Могло показаться, что юноша у штурвала слишком уж поглощен мыслями, чтобы хорошо исполнять обязанности вахтенного. Однако Ригзури не терял бдительности. Его поглощенность наблюдением созвездиями сочеталась с высокой степенью концентрации.

За спиной послышались шаги. Склянки отбили еще два часа: пришло время смены вахтенного. Ригзури обменялся с подошедшим матросом кивками, и медленно направился на орлопдек, одну из нижних палуб, где ночевала команда. Там, неслышно пробравшись к своему гамаку, он нырнул в него и тотчас же погрузился в сон.

Через три дня их корабль вошел в потаенную бухту небольшого островка, считавшегося необитаемым. Здесь располагался последний участок суши перед широким проливом, отделявшим Матуа от Южного Архипелага. В этом месте проходили непредсказуемые течения, поэтому корабли от Матуа всегда следовали вдоль внутренних берегов Архипелага. Это было опасное место, как для пиратских кораблей, так и для их жертв. Любой неправильный маневр мог привести ко встрече корабля со скалами, куда часто и сносило неумелых мореходов коварное течение. Однако капитан «Аурелии» был знаком со здешними водами, также он знал и защищенные форты последующих островов, вдоль которых постарается пойти судно, когда

прошмыгнет опасный пролив. И потом его можно будет выловить только в Южном море, на пути к материка. Но там существовал большой шанс повстречаться с охранными кораблями с материка, капитан предпочел им силы природы. А пока на наиболее высокий участок мыса были высланы дозорные, среди которых состоял и Ригзури.

Часть команды расположилась на берегу, разбивая небольшой лагерь. Возможно, в ожидании корабля пряностей им предстояло простоять здесь несколько дней. Часть людей была отправлена в горы на поиски пресной воды. Несмотря на погружение в бытовые и хозяйственные дела, все люди находились в состоянии готовности к быстрой мобилизации. При необходимости Капитан предполагал оставить ушедших на время сражения на берегу. На корабле и поблизости были оставлены самые нужные в маневрах и сражении люди, все снасти были разложены не как на стоянке, а в готовности к маневрам.

На второй день Ригзури увидел вдалеке белый парус. Юноша со скоростью лани бросился вниз по склону, и вскоре уже все люди покинули лагерь и переместились на корабль.

«Аурелия» тихо выпорхнула из укрытия как раз перед самым кораблем. Раздался рев орудий. Торговцу первым же залпом снесли грот и очень быстро сомкнулись с ним бортами. Корабль был обречен. Однако опасное течение не позволяло мешкать. На судно посыпались абордажные крючья. Команда корабля в надежде на спасение жизней сдалась без боя. Капитан «Аурелии» изначально планировал отбуксировать судно в бухту, где спокойно снять с него весь груз. Однако вследствие перестрелки, судно сошло с правильного курса, и теперь его сносило течением, и вместе с ним прицепленную крючьями «Аурелию». Вытащить оба судна даже на полных парусах не представлялось возможным, тем более что торговец теперь был малоуправляемым. Капитан быстро понял это и отдал приказ перебрасывать все из трюмов на «Аурелию». Людям с торговца было разрешено взять шлюпки со своего корабля и спастись на них. Их шансы были невелики, но все же это давало хоть какую-то надежду, нежели оставаться на борту погибающего корабля.

На «Аурелии» Капитан поспешно отдавал приказы. Он старался до последнего вытянуть корабль за счет ветра, чтобы дать хоть сколько-то времени на перегрузку. Но когда увидел, что они близки к точке невозврата, отдал приказ немедленно разъединиться.

Частью пиратов овладела жадность. Они пытались унести как можно больше, играя на последних секундах. Но Капитан был неумолим.

– Рубить канаты!!! – прорычал он с мостика. – Оставшиеся пусть перепрыгивают так, коли смогут.

Он не был намерен принести в угоду их жадности в жертву корабль и себя. Борта разъединились, и освободившуюся «Аурелию» потянуло ветром вперед. Изуродованного же и неуправляемого торговца продолжало утаскивать течением. С него доносились отчаянные вопли нескольких не успевших перескочить на борт своего корабля бедолаг. Теперь им уже никто не мог помочь, их забирал в свою власть бесстрашный к человеческим мольбам океан. Возможно, подобная участь ждала и спасавшийся на шлюпках экипаж тонущего корабля. Ригзури не знал этого. Он больше не видел шлюпок. «Аурелия» целилась бушпритом туда же, откуда выскочила наперерез торговцу, и то, что было оставлено за ее кармой, исчезало из поля видимости.

Они нырнули в спасительную бухту. В лагере горели костры. Оставленные во время мобилизации матросы ждали товарищей на берегу. Они верили в успех предприятия, отчасти не только потому, что так доверяли своему капитану, а потому, что предполагать иное означало бы ощутить дикий ужас одиночного заключения на необитаемом острове, без особой надежды, что в это дикое место войдет хоть один корабль.

Ночь пираты решили провести в бухте. Они жарили рыбу и пили крепленую воду, которая оказалась в нескольких бочках, принесенных с торговца. Эти бочки были явно еще из запасов с материка, ибо на островах таких напитков не делали. Его называли жидким хлебом.

Для изготовления напитка сбраживали плоды вьющегося растения с материка с добавлением зерен хлебов.

Ригзури не любил крепленых напитков и старался избегать подобных посиделок. Так и сейчас он воспользовался общей пирушкой, чтобы тихонько ускользнуть, и направился вглубь острова. Дележа в эту ночь не планировалось. Сразу делили, как правило, только деньги и драгоценности. Данный же груз должен был реализовать Капитан, а потом уже поделить выручку согласно договоренности.

Несмотря на то, что к данному моменту Ригзури участвовал уже в нескольких морских сражениях, сегодня ему было особенно тошно. Капитан «Аурелии» не отличался кровожадностью, и обычно после ограбления корабля возвращал судно, в каком уж оно было состоянии, владельцам и отпускал их восвояси. Такая слава порой недурно служила ему. Капитаны торговцев частенько сдавались без боя, понимая, что на непродырявленном судне уйти будет легче. Однако и чрезмерным милосердием, как и любой человек на подобном поприще, Капитан не страдал. Он действовал сугубо в своих интересах. И если для этого приходилось жертвовать людьми, пусть даже и своими, он делал это без колебаний.

В этот день Ригзури видел, как океаническая мощь утаскивала обломки корабля с его пусть и недавними товарищами, и как исчезли в его суровых водах маленькие лодки с командой и пассажирами осажденного корабля. Впрочем, возможно, они и выжили... Эти картины весь вечер живо стояли перед его глазами. Ригзури шел не оглядываясь, прочь от пирующих людей. Да, думал он, быть может, они сами были виноваты, не желая упускать ни одного мешка с товаром... Да, весьма вероятно, и все оставшиеся сегодня в живых могут так же погибнуть в любой день от непредвиденного шторма или во время сражения... И все же...

Ригзури брел к темному лесу, где деревья переплетались со своими корнями, а лианы было не отличить от спящей змеи. За эти несколько месяцев волосы юноши немного отросли, и он захватывал их сзади шнуром или повязывал платок, чтобы не мешали в сражении. Он старался не думать сейчас о том, что значила для него отрубленная коса, и что возможно, ему и не вырастить ее снова. Да и зачем это здесь? И достоин ли он ее носить?

Оставаясь на корабле, он тешил себя надеждой, что пребывание среди пиратов может дать ему пусть малый, но шанс достигнуть жреческих судов, а значит, узнать хоть что-то о сестре. Иначе... все это было напрасным...

Но сейчас, уходя во мрак диковинных деревьев, он думал не об этом. Имел ли он моральное право считать себя прежним человеком, когда стал частью того, что раньше порицал? Он прислонился спиной к влажному стволу, служившему домом для нескольких гнезд лишайников и причудливых растений, составлявших из своих жестких листьев воронки-прудики. Небо заволочло тонкими струями облаков, но кое-где через их ленты и курчавую крону деревьев проглядывали редкие звезды.

Рядом послышался шорох. Во мраке Ригзури увидел приближавшийся к нему со стороны берега силуэт. По его контурам и характерной походке он узнал товарища.

Топорик подошел ближе:

– Так и знал, что ты тут скрываешься! Так и с голоду подохнуть недолго.

Он присел рядом.

– То ты сидишь, как хищная птица на скале, почти ничего не ешь, и высматриваешь корабль... А теперь, когда добыча у нас, ты тоже не ешь и забился в лес. Как это понимать?

Ригзури поднял печальный взгляд на говорившего.

– Ну вот только не надо! – Топорик понимающе посмотрел на друга. – Ты прибыл сюда не из уютного семейного домика, не из своего гнезда на дубе каком-нибудь, а из рабской колонии! Или забыл уже?

Тот молча покачал головой и тихо произнес:

– Нет. Не забыл.

– Вот то-то и оно... – Топорик положил руку на плечо другу и слегка сжал. Потом добавил уже тише: – Так что давай, оживись немного. Наш капитан хороший малый. Ты уж мне-то поверь! Я всяких повидал...

Ригзури продолжал смотреть в землю:

– В рабство я попал не по своей воле. А здесь... это был мой выбор.

– Интересно мне будет узнать, – хмыкнул Топорик, – из чего ты там выбирал?! – Он поерзал, устраиваясь поудобнее. Но земля успела остыть, и усесться с комфортом у него не получилось. Оставив попытки, он продолжал. – Можно подумать, ты выбирал среди лучезарных перспектив, но отринул все предложения и пустился в пиратство по собственному велению сердца и разума! Как и все другие, между прочим, на этой дорожке...

– Слушай, – ответил ему юноша, – прекрати это выступление. Из тебя плохой лицедей...

– Да?! Думаешь... А вот мне казалось иначе... Хм... ну и ладно. А вот из тебя неплохой моряк, когда ты не тряпка! И смотри, эти ребята не из тихонь. Слабину сразу прочухают. А ты... – он продолжил чуть мягче, – ты, если хочешь найти свою... сестру...

Ригзури поднял на него полный приглушенной боли взгляд.

– Должен очень отличиться. Тебе нужен свой корабль, и своя команда. Причем не этих олухов. А верных тебе ребят, которые не побоятся пойти за тобой, даже в Северные моря.

– Да, ты прав, – ответил Ригзури.

С этого вечера он решил притушить в себе терзавшие его споры и направить всю энергию на реализацию плана по спасению сестры. Это стало той нитью, что выдергивала его из самых мрачных раздумий, целью, которая пронизала все его существование под пиратскими парусами.

Глава 13. Начало обучения

Весна пришла на скальный остров набуханием почек на корявых ветвях старых дубов, прогалинами влажных от растаявшего снега лишайников на серых валунах и пока еще редкими, но весьма уверенными голосами птиц.

Римьяна окончательно встала на ноги, и вслед за этим началось время ее обучения. Этот вопрос Старшая Жрица взяла под личное наблюдение, и хотя наставницей сестры Мелиссы являлась Нритта, погружениями в сложные практики всегда руководила Старшая Жрица самостоятельно. Со дня прибытия девушки в Монастырь она видела в возможности, таящиеся в ней, и одновременно с этим упрямство, сламливать которое было не ее делом. Однако после осенних событий у Старшей Жрицы не осталось сомнений относительно новой жрицы...

В одну из таких холодных весенних ночей для Римьяны начались первые индивидуальные практики. Время, которое она до того проводила наедине с собой в келье или когда уходила в дубраву, теперь было посвящено совершенно иным вещам. И возможностям, о существовании которых она раньше не подозревала.

Это было очень странное ощущение. Ее тело как будто ей не принадлежало, однако разум остался. Она не могла пошевелить ни пальцем. Тело казалось легким, но совершенно инертным. Римьяна силилась разомкнуть веки, но и это усилие было иллюзорным. Тело продолжало покоиться на кровати. Тягостная полудрема наваливалась на нее. Но оставалось четкое осознание сна, каким бы овеществленным он ни казался.

Тогда, пребывая в этой овеществленности, она приказала себе встать. Встала и прошла в сторону окна, отчетливо ощущая свое тело все так же бездвижно лежащим на кровати.

Она положила руки на каменный подоконник и почувствовала его прохладу и шероховатость. И тем не менее ее ладони все так же были на кровати, как и ее руки и тело. Тогда она залезла босыми ногами на каменный выступ и выпрямилась во весь рост в проеме окна. Шагнула чуть дальше, бездна раскрывалась перед ней, как несколько месяцев назад, когда она впервые ощутила себя живой, по-иному. Римьяна распахнула руки и нырнула в потоки воздуха, омывавшего башню монастыря. Она плыла над каменистым берегом, скользила вдоль вылизанных ветром скал... Ее тело все так же лежало неподвижно на кровати в келье.

В эту ночь у нее впервые получилось сделать то, чему ее обучала Старшая Жрица, не давая этому занятию никакого имени, не рассказывая о том, как это пройдет, кроме того, что, когда это случится, у сестры Мелиссы не будет сомнений, что это произошло.

У Римьяны в произошедшем сомнений не было.

Жизнь Римьяны на Острове временами казалась ей полусном, а иногда сном казалась ее прошлая жизнь, а то, что происходило теперь – пробуждением. Рожденная под сенью Леса, мнившегося ей бескрайним, единственно обитаем миром, теперь перешагнула порог иного бытия. Шаг этот сопряжен был с тяжелой болью, как физической, так и душевной, однако теперь Римьяна могла освободиться от нее, следуя за своим «предназначением». Так говорила ей Старшая Жрица. Девушка теперь верила ей и своим чувствам, но все же... сомневалась.

Мысленно она не давала себе забыть своего настоящего имени, хотя никто больше не звал ее так, и никогда не переставала думать о брате, хотя новый мир, открывшийся перед ней, мог с легкостью поглотить все ее старые воспоминания, если бы она позволила.

Со временем ей стало открываться новое в библиотеке – книги и те их части, что она не замечала ранее или не понимала. Да и само имя Ордена, казавшееся ей ранее несущественным, вдруг приобрело смысл.

– Мы – лишь орудие, – говорила Старшая Жрица, – через нас приходит сила, но не мы ее источник. Наша задача сохранить открывающую врата традицию и подготовить тех, кому суждено перенять ее. Остальное – лишь рябь по воде. Но только спокойная вода служит идеальным отражением лунному лику. Чем ты пустее, тем наполненнее.

Римьяна лишь молча кивала, внутри крепко держась за несколько кругов этой ряби. И если Жрица и видела это, то ничего не говорила, оставляя решение за той, кого звала сестрой Мелиссой.

Глава 14. Путиами пиратства

Рвение и талант Ригзури были оценены капитаном «Аурелии». И хотя он и не знал истинную мотивацию поведения новичка, но считал вполне нормальным для умелого юнца проявление амбициозности, и потихоньку стал приближать к себе юношу. Под командованием Капитана Ригзури удалось освоить немало приемов морской науки. Кто-то на корабле завидовал такому росту новичка, однако большинство относились к нему с уважением. Он не раз проявлял находчивость и отвагу в бою, спасая раненых товарищей. А такие вещи трудно было не ценить. Несмотря на сомнительное ремесло, Ригзури старался сохранить человечность.

Основной пиратской базой служил остров Каперания, также принадлежавший Южному Архипелагу. Здесь пираты сбывали награбленное местному правителю, производили дележи, напивались в местных тавернах и пользовались услугами женщин, не гнушавшихся провести ночь с морским авантюристом за достойное вознаграждение. Последние были как представительницами местных племен, так и метисками, зачастую появившимися у матерей той же «профессии».

Капитан «Аурелии» не слишком жаловал попойки, того же мнения об этом деле был и Ригзури. А вот Топорик любил порой повеселиться, но знал меру, и как бы «весел» ни был, никогда не сбалтывал того, о чем в трезвом состоянии мог бы пожалеть. «В нашем деле, – говорил он другу, – умение пить – хорошее подспорье, слушать, что болтают другие, а самому языком не мести, чего не надо. А ты думаешь, как команду набирают?» В этих вещах Ригзури не понимал. Сам он награбленным не разбрасывался на сомнительные улады, как делали многие пираты. Вместо этого на накопленное выстроил небольшой домик на берегу и нанял слугу и служанку из местных, чтобы они следили в его отсутствие за домом. Такая практика была нередка среди пиратских капитанов и других моряков высокого положения. Сам капитан «Аурелии» имел неплохой дом в тихой оконечности города, где часто строились зажиточные, но не любящие местной пестрой жизни горожане. В этот дом были вхожи немногие с судна, но Ригзури после очередного похода получил приглашение на ужин.

Капитан знал, как правильно тратить деньги. Его дом был хоть и не велик по местным меркам, но отделан с изяществом различными редкими породами дерева. В оформлении стен и мебели была использована резьба местных племен, мастера которых далеко не всегда охотно нанимались на службу к чужакам. Видимо, Капитану удалось найти к ним подход. В обеденном зале на тяжелом крепком столе стояли разветвленные подсвечники. Ни на них, ни на высокие долгогорящие свечи хозяин дома также не поспешил. То монументальное и в чем-то строгое роскошество, в котором ему приходилось отказывать себе на корабле, он возмещал в своем уединенном обиталище на суше. За столом прислуживали две молоденькие метиски. Их одежды представляли, как и они сами, смесь, переплетение того, что было принято на материке и в их родных племенах. Такое облачение, оголяющее их медного отлива руки и плечи, придавало девушкам еще большую соблазнительность. Капитан не был сторонник дешевых утех публичных женщин. Он выбирал и воспитывал по своему разумению тех, с кем желал проводить время.

В отличие от местных состоятельных, а знатных здесь особо и не было, горожан, капитан не цеплялся за материковые вкусы, и не гнался за их модой. На его столе были представлены блюда, которые нравились ему самому, независимо от их происхождения, рецепта и ингредиентов.

В тот вечер других приглашенных к ужину, кроме Ригзури, не было. Они с капитаном сидели рядом, через угол стола. Служанки расставили дымящиеся яства и принесли бутылку не слишком дурманящего голову напитка, продукта сбраживания местных сладких плодов, напо-

минавших Ригзури сливы из его родных лесов. Но эти плоды обладали более пряным ароматом, сладостью и сочностью. Напиток из них веселил кровь и способствовал здоровому аппетиту.

Капитан поинтересовался, как гость находит его дом. Ригзури не мог не похвалить изысканности и убранства, но отметил, что лично ему достаточно гораздо меньшего.

– Возможно, – отвечал Капитан, – мне же приятно бывать здесь, после продолжительных путешествий. Ты не слишком долго еще живешь в море, чтобы ценить такие вещи. Однако со временем, – он пригубил из тонкого прозрачного бокала, – если не погибнешь, конечно... поймешь, о чем я. У тебя есть вкус и жажда большего. Это приятно видеть. Из тебя, может, и выйдет толк.

Ригзури промолчал и выбрал вместо ответа наслаждаться рагу из местного овоща, который почему-то называли тем же именем, что и материковое клубневое растение, хотя оно на него было совершенно не похоже.

Только теперь, в непринужденной беседе, Ригзури заметил, что на самом деле у Капитана чистый материковый выговор. Среди рабов они чаще всего общались на суржике, выросшем на базе языка Равнины, который Ригзури достаточно легко мог понимать, но говорил на нем он не очень чисто. На Южном Архипелаге так же царило переплетение языков: разные материковые акценты сплетались с языками местных племен в мало уже похожую на оригинал смесь. Однако на корабле приказы обычно отдавались на наиболее распространенном варианте этой смеси, вполне понятной как выросшим на материке людям, так и выходцам с активно участвовавших в торговле островов Архипелага. Этот же язык был наиболее в ходу на Каперании.

– Скажите, капитан, Вы долго прожили на материке? – решил поинтересоваться Ригзури.

– Да... – ответил тот немного задумчиво. – Вполне банальная история для этих мест. Я родился в достаточно состоятельной и уважаемой семье в небольшом городе близ столицы. Но, как нередко это бывает, к тому времени, когда юноша либо перенимает хозяйство от отца, либо бросается в открытый мир на поиски самостоятельного заработка, семья наша обеднела, и вместо ожидаемого первого мне предстояло – второе. Торговые дела отца были существенно подорваны, когда один из его кораблей с наиболее ценным грузом был ограблен и потоплен пиратами. Забавно, не правда ли?

Рассказчик слегка ухмыльнулся из-под аккуратных черных усов. При свете стольких свечей, в подобной изысканной обстановке и своем элегантном костюме, казалось, что обстоятельства жизни этого человека не слишком изменились с тех пор. Да, в его роскошных черных волосах засеребрились тонкие полосы, а на лицо легли первые борозды морщин – промоины ветра и свидетели непростых жизненных решений, но здесь наблюдая его, можно было подумать, что это все лишь следы жизни делового аристократа, а не пиратского капитана. Тем временем он продолжал.

– С этим делом отец увяз в долгах, с которыми ему так и не удалось расплатиться при жизни. Чтобы хоть отчасти расквитаться с кредиторами, был продан наш второй корабль, а я поступил туда на службу. Корабельная жизнь уже тогда была мне не в новинку. Разница заключалась лишь в положении, – он снова усмехнулся и, отпив из бокала, откинулся на спинку стула, обильно украшенную резьбой.

– Вот так я и проходил несколько лет на бывшем нашем корабле, пока однажды не получил известие о смерти родителей и том, что имение отдано за долги. Возвращаться мне было некуда, да и не зачем. К тому времени я уже был неплох на своем поприще и нанялся на более крупный корабль штурманом, поскольку хорошо знал южные торговые пути. И так вышло, что однажды наше торговое трехмачтовое судно тоже повстречалось с пиратами. Был недолгий бой, и когда капитан осознал гибельность своего положения, он сдался в надежде сохранить жизнь. Но у пиратского капитана были свои планы не только на груз, но и на корабль. Он предложил всем, кто готов рискнуть, забрать шлюпки и убираться. А мы тогда находились не слишком близко к островам. Однако тем, кто хочет примкнуть к нему, он был готов дать место

в команде. Присоединив захваченный корабль к своей начинающейся флотилии, он перемешал команды и распределил по двум кораблям. Я не особо колебался в своем решении. Терять мне, во всяком случае, было нечего – ни денег, ни репутации. И я остался штурманом. Правда, капитану впоследствии не очень везло. Вскоре он потерял один из своих кораблей, а потом и жизнь. А я, заручившись поддержкой команды, занял его место. Оба корабля уже скормлены океану. «Аурелия» – моя трофейная шхуна. Я привел ее в порядок, хорошенько укомплектовал пушками. И пока вполне доволен.

– Вы никогда не думали поднакопить и вернуться на родину? Может быть, даже выкупить поместье?

– Нет, – покачал головой Капитан, – зачем мне это? Там не осталось ничего, кроме далеких и порядком забытых воспоминаний. Моя жизнь теперь здесь. И, в сущности, складывается она вполне неплохо.

Он позвал служанок, и те принесли тарелки с местными фруктами и сладостями.

– Твоя история тоже вполне тривиальна в этих местах, – капитан снова обратился к Ригзури, – куда еще податься беглому рабу?.. Но ты не похож на преступника. Как тебя занесло в кандалы? Впрочем, говор твой странный. Напоминает немного торговцев из Западных Лесов.

Ригзури не очень стремился делиться своей историей, и в этот момент обдумывал приемлемую отговорку, но когда Капитан закончил фразу, его прежние мысли сразу улетучились. Он не мог поверить собственным ушам.

– Торговцев? – переспросил он. – Из Лесов?

– Да, верно... – отвечал Капитан спокойно. – Впрочем, если ты из дальних мест, как, судя по всему, и есть, возможно, не знаешь о них. Ну, да, лес-то, как думаешь, откуда берется? На северо-западе и северо-востоке от Равнины лежат огромные пространства лесов. Сам я там никогда не был, но торговцев видел. Они скупают лес у местных лесорубов и продают его на Равнине. Даже на острова порой привозят древесину оттуда. И корабли тоже... Здесь, на островах, есть интересные и редкие породы. Но кто будет строить дом из красного дерева? Потом, они тут все кривые. Там же в Западных Лесах деревья высокие и стройные, такие, что идут на мачты. Есть не гниющие в воде породы. За такие немалые деньги отсчитывают корабли для своих судов.

– И они рубят... свой собственный лес... и продают его людям Равнины? – Ригзури произнес это почти с отвращением.

– Ну да. Они неплохо зарабатывают, думаю, на этом дельце. Впрочем, перекупщики наверняка наживаются получше. Но ведь им это ничего не стоит. Леса полно. А в обмен они получают то, что им в своих лесах не достать. Хм... Металл, например... Обычные торговые отношения. Да ты, парень, видать, совсем из диких степняков-кочевников, что тебя такие простые вещи удивляют.

Капитан слегка рассмеялся и принялся набивать трубку. Одна из служанок принесла ему огня.

– Нет, – ответил Ригзури, глядя в пространство, – я не из них. Я просто оказался не в то время не в том месте. И теперь расплачиваюсь за это. Вы правы, я не совершал никакого преступления, за которое здесь обычно отдают в рабство. Однако за мою ошибку я бы не смог расплатиться и кандалами.

Капитан посмотрел на юношу. Порой ему очень нравился этот малый. «Из него определенно выйдет толк», – думал Капитан. Но порой... он казался ему таким странным, что скорая и какая-нибудь незадачливая гибель юноши его бы так же не удивила.

Гость и хозяин благодушно попрощались друг с другом, и каждый остался при своих мыслях. Ригзури направился через весь город к берегу, где стоял его дом. К его приходу все помещения были прибраны и приготовлена вода для купания. Слуги уже легли спать, а Топорик, который, когда они ступали на сушу, жил у друга, еще не вернулся. Тогда Ригзури снова

покинул дом, и двинулся вдоль берега. Ночи здесь стояли теплые. Ригзури разделся и вошел в воду. Океан слегка охлаждал кожу. Вода с тихим плеском раскатывалась по песку, поглощая следы босых ног юноши. Он заходил все глубже, и вода охватывала его обнаженное тело. Он нырнул. Ему хотелось остудить ворох мыслей, что одолевал его всю дорогу домой. Как могло получиться, что их соседи и братья опустили до торговли своим домом? А ведь они тогда... тогда... в ту злополучную ночь, ехали именно к ним.

Уже много лет связи между двумя Лесами и их народами становились все более отдаленными. И тогда дети одного из вождей племен Лесов Востока были отправлены как посланники к жителям Западных Лесов. «Братьям, как считали мы, а выходило, что они уже давно жили совсем иной жизнью. И якшались с этими опустившимися людьми Равнин. Еще вопрос не поступили бы они с нами так же, как эти недостойные имени человека существа с Равнин?» В Ригзури закипала ярость. Он с силой работал руками, и не заметил, как уже достаточно удался от берега. Вода переливалась красками ночи. В ней, вторя отражениям созвездий, от прикосновения к телу юноши загорались огоньки неуловимых человеческому глазу организмов.

От его широких махов расплывались светящиеся круги. Ночь была пьяна от звуков, свистов и шорохов сельвы. Необычные животные перекрикивались с веток, а во тьме и хитросплетении ветвей распускали свои нежные белые цветки ароматные растения. В них засовывали мохнатые мордочки летучие мыши и длинными язычками слизывали нектар, пачкая любопытные носы в яркой и клейкой пыльце.

Юноше же среди всего этого многообразия жизни казалось, что он одинок. Он чувствовал себя необитаемым остовом в этом безбрежном океане, островом скалистым и безжизненным. Вскоре в теле начала накапливаться усталость. Он повернул назад. Выбравшись на берег, Ригзури перекинул через плечо штаны и рубаху и нагой отправился к дому, зная, что вряд ли кого повстречает на пути, а если это и произойдет, то тот будет с большой вероятностью столь нетрезв, что ему и дела не станет до облачения встречного.

За время отсутствия хозяина, людей в доме прибавилось. В гостиной на плетеном диванчике посапывал коренастый морячок: Топорик недавно вернулся с веселой пирушки и растянулся где пришлось. Когда на пороге в обрамлении ночи появился силуэт обнаженного мужчины, первой мыслью поддатого пирата было, что на город напали туземцы. Но потом в вошедшем он распознал хозяина дома и расхохотался.

– Что? – прохрипел он с софы, – капитан обобрал тебя до нитки в карты? – и снова разразился смехом.

– Отнюдь, – с улыбкой ответил Ригзури. Он вошел в дом и, закрыв за собой дверь, зажег на столе свечу. Потом натянул штаны и сел на стул напротив Топорика.

– Ходил освежиться.

– Вот, все-таки... должен признать, ты дурак, друг мой! – отметил с нетрезвым смешком Топорик. – Ну отчего брезговать удовольствиями, если они тебя все равно не отдалают и не приближают к цели. Ну, скажем, выпить тоже еще то удовольствие бывает... Да и я, ты знаешь, не то что бы любитель. Так, порой... для веселости. Но, друг мой, женщины! Что может сравниться с объятиями этих пленительных дикарок, после месяцев плавания?! Ну неужели у тебя внутри не мяукает твой камышовый кот? – икнув, он снова расхохотался.

– Кто, прости, у тебя мяукает?

– Ну ладно... ну да не корчи ты из себя жреца, тьфу... не к ночи будут помянуты! Ну кот или не кот... ну ты же понял о чем речь!

– Да, да, друг... – вздохнул Ригзури. – Я, конечно же, прекрасно тебя понял. И, признаться, более чем. Особенно когда сегодня наблюдал гибкие станы этих служанок в доме капитана...

– Ах, служанок, да?.. – усмехнулся хитро его собеседник.

– Но дело в том, что в тех местах, где вырос я, любовь не покупают. По достижении возраста зрелости юноша доказывает племени и его женщинам свое право считаться мужчиной. Ну и тогда... – Ригзури повел рукой, – может подыскивать себе жену. Вообще не принято у нас быть с несколькими, ну или, по крайней мере, многими женщинами...

– Так-так... Погоди... – Топорик для такого разговора даже сел и устремил взгляд трезвеющих глаз на Ригзури, – не хочешь ли ты сказать, друг мой, что за то время, пока ты там скакал посреди елок, ты не надкусил ни одного сочного фрукта, не погрузил свой высоко поднятый бушприт в...

– Так! Все, я пошел спать. А с тобой, особенно в таком виде, я вообще отказываюсь вести подобные разговоры.

Ригзури поднялся и взял рубаху. Но Топорик тоже вскочил с места и шаткой походкой направился к другу.

– Не-е-т... – он обхватил юношу за плечи, хотя и был ниже его, но крепче и мощнее, так что сразу притормозил уход Ригзури.

– Так это дело мы не оставим... Я все понял теперь! – объявил он. – Вот в чем твоя проблема! Тебе просто необходимо хорошенько по...

В этот момент в комнату вошла разбуженная громким голосом Топорика служанка.

– Хозяин, у Вас все в порядке? – поинтересовалась она.

Тут уж и Ригзури не смог удержаться, и они с Топориком разразились хохотом. Служанка была очень удивлена поведением хозяина, ведь он в отличие от его друга никогда не напивался, и поспешила удалиться.

Глава 15. Орден Четырех Стихий

На маленьком столике в библиотеке догорала свеча. Пламя ее трепетало в последних судорогах испускаемого света, и яркие тени, метавшиеся по стенам и книге, почти не давали возможности разобрать строк. Римьяна оторвала взгляд от страницы и легким прикосновением оборвала страдания тонувшего фитиля. В комнате воцарился сиреневый сумрак, пропитанный запахом старых книг и только что погашенной свечи.

Закрыв книгу, девушка поднялась. Было еще рано возвращаться в келью. Римьяна приблизилась к стрельчатому проему окна. По небу медленно плыли курчавые облака, и даже ветер дул будто бы с какой-то ленью. Девушка прислонила голову к каменному обрамлению окна. Она чувствовала нарастающее в груди давление. Замедляя дыхание, недавно ставшая одной из жриц, послушница закрыла глаза и некоторое время присутствовала только в телесных ощущениях, наблюдая плавное перетекание воздуха, пока оно совсем не прекратилось. Задержка получилась достаточно долгой, потом дыхание постепенно продолжилось. Она подалась корпусом за пределы окна, подставив себя ветру. Обычно такой неистовый, сейчас он мягко гладил ее лицо и волосы, и девушка улыбалась ему.

«Что же я могу сделать? Как мне разобраться?» – думала она. С момента инициации прошло более полугодя. Теперь ее жизнь отличалась от той, которую она вела как послушница. Она получила допуск ко всей библиотеке, проводила много времени за изучением первых трактатов Ордена, стала посвящать больше часов уединенному погружению внутрь себя, чем коллективному, еще меньше общалась с остальными, и только раз в несколько дней ее вызывала к себе Старшая Жрица для беседы. Римьяна постепенно погружалась в те практики, ради которых, как она предполагала, и был создан Монастырь и сам жреческий Орден Четырех Стихий. Теперь она начинала понимать то, о чем упоминала Старшая Жрица в одном из разговоров – что они лишь сосуды, которые наполняют. Чем пустее сосуд, тем лучше он исполняет свое предназначение.

Слова о силах, которые она читала в древних трактатах, никогда не были бы ей понятны, если бы она не пережила того, что случилось с ней после падения с утеса. Это и была инициация, как ей объяснила Старшая Жрица. Та сразу заметила в новой дикой девочке силу, присущую настоящей жрице, и ждала, когда эта сила проявит себя. И вот она вырвалась наружу, чуть не уничтожив хранивший ее сосуд.

Открывшееся в девушке проявляло себя с каждым днем все явственнее. Сестра Мелисса развивалась быстро, и Старшая Жрица потихоньку стала приближать девушку к себе. Но и торопить события глава Монастыря не хотела. Им приходилось взаимодействовать с базовыми энергиями мира, его сутью, а спешка в подобном деле могла привести к гибели. Какой бы силой ни обладала служительница, навыки развиваются с часами практики, считали здесь. И этого не обойти. Однако Старшая Жрица осознавала: девушку необходимо было готовить к особой судьбе.

Глава 16. Последний рейд «Аурелии»

Длинных стоянок на Каперании у пиратов обычно не случалось – продать, да пропить награбленное – дело не слишком продолжительное. Другой вопрос, что временами приходилось вставать на ремонт корабля. Самое же унылое для морских разбойников время наставало в сезон штормов. Там будь ты даже храбрец и умелый моряк, надобности выходить в море не было: кто же из купцов пойдет рисковать своим добром и жизнями? Умные капитаны это время использовали для латания корпуса, обновления снастей и чистки днища. За месяцы плавания брюхо любого корабля так обрастало, что сильно сбивало ему ход и маневренность. Поэтому суда выволакивали на мель и чистили. Впрочем, за сезон не все корабли доживали до этого. Капитан «Аурелии» был внимателен к своему средству дохода: следил за ним и менял подгнившие и износившиеся части своевременно.

Перед началом штормов Капитан планировал заключительный рейд. Он предполагался недалеким, поскольку вскоре на острова должны были прийти дожди, смениться ветра, и тогда навигация в этих морях станет крайне затруднительной. Это знали и торговцы, и, пользуясь последними неделями спокойного моря, вывозили побольше товаров, чтобы потом на время несезона вздернуть на материке цены на них ввиду невозможности добыть большего на протяжении штормов.

Солнечным днем теплый ветер с острова наполнил паруса «Аурелии». Она прокурсировала дальше на юг, где пиратам удалось отловить небольшого торговца. Несмотря на несущественные размеры, груз оказался весьма существенен. Корабль шел с изрезанного бухтами черного острова на западе архипелага. В этих бухтах ныряльщики-аборигены доставали со дна плотно стискивающие свои створки раковины. Вскрывая их самодельными ножами, они вытаскивали оттуда то, что сами называли «слезами моря», – маленькие белые камушки, которые очень ценились на материке. Знатные дамы украшали ими свои наряды и шеи, а порой «слезы» сами ходили как деньги, причем немалые. Такого «урожая» Капитану и команде хватило бы на весьма безбедное существование во время сезона штормов. Далее рисковать не имело смысла, и Капитан при полной поддержке команды принял решение держать курс на Каперанию. Они обогнули острова и пошли другим путем в направлении «пиратской столицы».

На второй день пути ветер стал усиливаться. Корабль поднимался вверх на волнах и потом скользил вниз между ними. Команда срочно убирала паруса. Штурвал скрипел и упирался. Такелаж завывал в такт ветру, и казалось, что вся «Аурелия» поет какую-то неведомую песню. Ее капитан был опытным мореходом и штурманом, и ему не раз уже доводилось попадать в шторма. Понимая неблагоприятные перспективы, он избрал курс на один из малообитаемых близлежащих островов. Там, в бухте, можно было укрыться от непогоды и переждать какое-то время. Этой стороной острова обходили редко, поскольку в данной части Архипелага ничего не добывали. Остров, к которому капитан держал путь, также посещали нечасто. Там, возможно, и жили какие-то племена, но Капитан с ними никогда не сталкивался. Он знал хорошо лишь одну удобную бухту, которую давно открыл, и использовал временами как убежище и для пополнения запасов пресной воды.

Море стремительно потемнело и покатило недовольно валы свои, разбивая их о скалистые берега островов. Гул волн нарастал, и корабль швыряло по ним, как щепку. Вода перехлестывала через фальшборт, окатывая суетящихся на палубе матросов. Однако капитан не унывал, несмотря на усиливающееся буйство стихии, он еще способен был управлять своим судном, и упорно вел его к спасительной бухте. Уже не раз в его ушах пел похоронную песню ветер, но он не вслушивался в нее, полностью отдавая разум делу. Именно это свойство, не предаваться панике практически в любой ситуации, и принесло Капитану его многочисленные

и успешные годы на столь рискованном поприще. В такие моменты все уходило на задний план и растворялось... Оставалась лишь тишина, и в ней происходило принятие решений. Он видел, что «Аурелия» имеет возможность спастись, но так же, как любой имеющий часто дело со стихией человек, Капитан понимал, что смерть всегда стоит рядом и, выходя на рейд, всегда напоминал себе об этом.

Соленая ледяная вода ударила Ригзури в лицо, холодными, с трудом чувствующими что-то, руками он отчаянно цеплялся за снасти. Впереди маячил желанный остров, но слева от входа в бухту, оскалившись, торчали его заостренные отроги. Как чешуя морского змея, они вздымались из пенистых волн темной грядой. «Скалы по левому борту!» – закричал Ригзури, и его голос потонул в гулком рокоте вздымающихся вод.

Снизу у основания грота матрос повторил его слова. Капитан сам стоял у штурвала. Он развернул корабль направо, ветер и течение сопротивлялись ему. Разрываемый на части стихиями корабль терял управление. «Аурелию» неудержимо несло на скалы.

Ни один берег близлежащих островов не спадал плавно в море. Единственным шансом избежать фатального столкновения для корабля – было пройти в бухту и укрыться там от стихии. Капитан знал, как провести здесь судно, но море совершенно обезумело. Еще утром погода не предвещала ничего, кроме ясного неба и легкого бриза, сейчас же черный мрак сгустился как над судном, так и под ним. Шипя и извиваясь, как клубок рассерженных змей, волны выплюнули суденышко и потащили к клыкастому берегу. Еще оборот штурвала, обрубленный шкот взмыл ввысь вслед за парусом... И крики матросов потонули в гуле моря. Раздался треск и скрежет, «Аурелия» финальным высоким аккордом заканчивала свою последнюю песню. Волны сомкнулись над барахтающимися людьми, и темное небо окончательно померкло перед глазами Ригзури.

Глава 17. Полет

Она закрывала глаза и представляла, что медленно поднимается над этим местом, замком-монастырем, островом, холодным морем... Все становится меньше, и можно видеть, где она находится. Она видит материк, леса, которыми он покрыт на западе и востоке, желто-коричневые прогалины степей, каменные отроги гор у моря, вдоль лесов... Где-то на просторах этого мира должен быть он. Не может быть, чтобы его больше не было здесь. Но почему же она не может отыскать его?

Она легкотелая парила над холодной океанической зыбью, шорохом листьев, озаренных цветами осени, запахом скошенной травы для прокорма лошадей... Даже ветер не смел прикоснуться, потревожить этого полупризрака. Но как бы она ни вглядывалась в земли и воды под ней, нигде не могла она отыскать того, кто так много для нее значил. Этого ее стремления не смогли убить ни монастырские стены, ни часы погружений в иные слои бытия. То человеческое, что звалось раньше Римьяной, еще было живо, хоть и прикрыто успехами сестры Мелиссы.

В какой-то момент полета на нее словно обрушилась стена воды. Девушка задыхалась, но она бы не стала сражаться со стихией, с ней нужно было слиться воедино... Сражалась не она. Не хватало воздуха. Она ринулась наверх вместе с волной – и очнулась в келье в своем теле.

Глава 18. Собранные из обломков

Вода в толще своей переливалась изгибами света. Юноша открыл глаза, чтобы увидеть эти переливы и устремиться всем телом им навстречу. На поверхности на него вновь обрушились волны, захлестывая с головой и не давая времени набрать воздуха между ними. Он не понимал, где берег, и только боролся за жизни в этой свинцовой соленой бескрайней мощи. Рядом швыряло деревянные обломки судна. Людей он не видел. Казалось бы, в этой неравной борьбе он вскоре должен был потерять силы, и отправиться в пасть океану. Однако Ригзури просто старался держаться на плаву, ни с чем не борясь и никуда не направляясь. Да и зачем было тратить силы, если неизвестно куда или же от чего плыть. Он не видел в непосредственной близости ни скал, ни берега. Вскоре его прибило к одной из досок «Аурелии», он уцепился за нее, и дальше они продолжили дрейф вместе.

К ночи шторм улегся. Небо осыпалось на юношу мириадами созвездий, как будто до того не было затянуто грозowymi тучами вовсе. Море спокойно перекачивало воды, качая на них деревянные обломки добычи. На фоне озаренного светилами небосклона темными изгибами волнистых контуров виднелся берег. Ригзури собрал оставшиеся силы и медленно погреб к нему, держась за жалкий фрагмент того, что столько лет было гордой и быстроходной грозой торговых кораблей.

Восходящее солнце озарило желтую линию берега в небольшой бухте. На мокрый песок прибило деревянные обломки корабля. Там же, распластанные, лежали тела не съеденных океаном людей. Кто-то давно перестал дышать, еще в море, кто-то испустил последнее дыхание уже на суше, но некоторые тела шевелились, исторгая из себя соленую воду. Среди последних был и Ригзури. Мягкие приливные волны облизывали его ноги. Юноша открыл глаза. Медленно к нему приходило осознание произошедшего. Он с трудом поднялся на ноги и огляделся. Полоса пляжа открывала безрадостную картину, за ней тянули к берегу лохматые головы пальмы, рядом с ними по склонам зеленых холмов, переплетаясь, ползли кусты гуавы. Чуть поодаль начиналась сельва.

Бредя по берегу, Ригзури разыскивал тех, кто еще дышал, отчаянно бросаясь от тела к телу в поисках друга, но Топорика нигде не было. Ригзури старался не оставлять надежды. Возможно, думал он, Топорика прибило к берегу где-то еще, или он все еще в воде, но найдет способ добраться до суши. Капитана среди лежавших на песке людей Ригзури также обнаружить не удалось.

Тем временем сквозь переплетение лиан из леса за оживающими людьми наблюдали несколько пар человеческих глаз. Их обладателям приходилось и раньше видеть людей, проходящих с моря, но весьма нечасто. Обычно те появлялись на огромных, по меркам местных обитателей, кораблях и в большом количестве. Потому аборигены не решались приближаться. Однако сейчас это была горстка ослабших и раненных людей, тем более без корабля. Такое событие вызывало интерес. Несмотря на это, люди в укрытии пока только наблюдали...

Ригзури удалось собрать уцелевших. Он выделил из них пару наименее травмированных, и они вместе отправились на обследование местности. Первым делом необходимо было найти источник пресной воды и, возможно, по дороге они могли бы обнаружить еще кого-то или что-то с корабля. Оставшимся на берегу была вверена забота о раненых и сбор всего, что выбросило море.

Вместе с двумя матросами Ригзури двинулся вначале вдоль берега, постепенно углубляясь в сельву. Продираясь сквозь заросли колючих лиан, им удалось пробраться к следующей бухте, более укромной, чем та, к которой выкинуло их. На песке так же лежало некоторое

количество обломков корабля, но людей здесь не было. Приблизившись, Ригзури внимательно оглядел место.

– Идем? Что тут искать! – сказал один из матросов.

– Постой, – ответил Ригзури, – смотри на песок, эти следы не кажутся тебе странными? Похоже, здесь были несколько человек, но они ушли... или...

Ригзури медленно шел по пляжу, вглядываясь в разводы на песке. Когда он добрался до наиболее взбаламученной области, то, подняв глаза к сельве, обнаружил там некое разрезание, напоминающее тропу. Следы на песке вели туда.

– И ушли они туда! – он указал спутникам на тропу и сам двинулся в этом направлении. Матросы последовали за ним.

Двигаясь первым, Ригзури по смутным признакам скорее угадывая тропу, чем видел ее. Его спутники, возможно, и не сильно желали углубляться в лес, однако уверенное поведение Ригзури заставило их следовать. Он первым пришел в себя после катастрофы, и быстро перешел к действиям, поэтому на берегу его командование было воспринято как само собой разумеющееся.

Их путь занял не слишком много времени, правда, продираясь сквозь спутанные стебли, часто покрытые шипами, он показался матросам весьма продолжительным. Они уже были готовы вербально выразить свое возмущение, когда «тропа» вдруг расширилась и вывела их на небольшую прогалину, с которой открывался вид на каменистую речушку, а за ней у деревьев ютились небольшие хижины. У одной из них сидела миниатюрная смуглая женщина и плела корзину. Увидев троих мужчин, вышедших из леса, она подняла на них указательный палец и принялась кричать что-то. Не успели Ригзури со спутниками как-то на это отреагировать, как с противоположной стороны реки, из леса, стали появляться люди. Они так же, как и женщина, были невысокие и худощавые, со смуглой кожей и черными волосами. Одежды на них было не много, но ее недостаток с лихвой восполнялся обилием украшений из ракушек, засушенных ягод и бусин. Крайне смутил путников тот факт, что большинство из аборигенов имело при себе длинные луки и колчаны со стрелами за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.